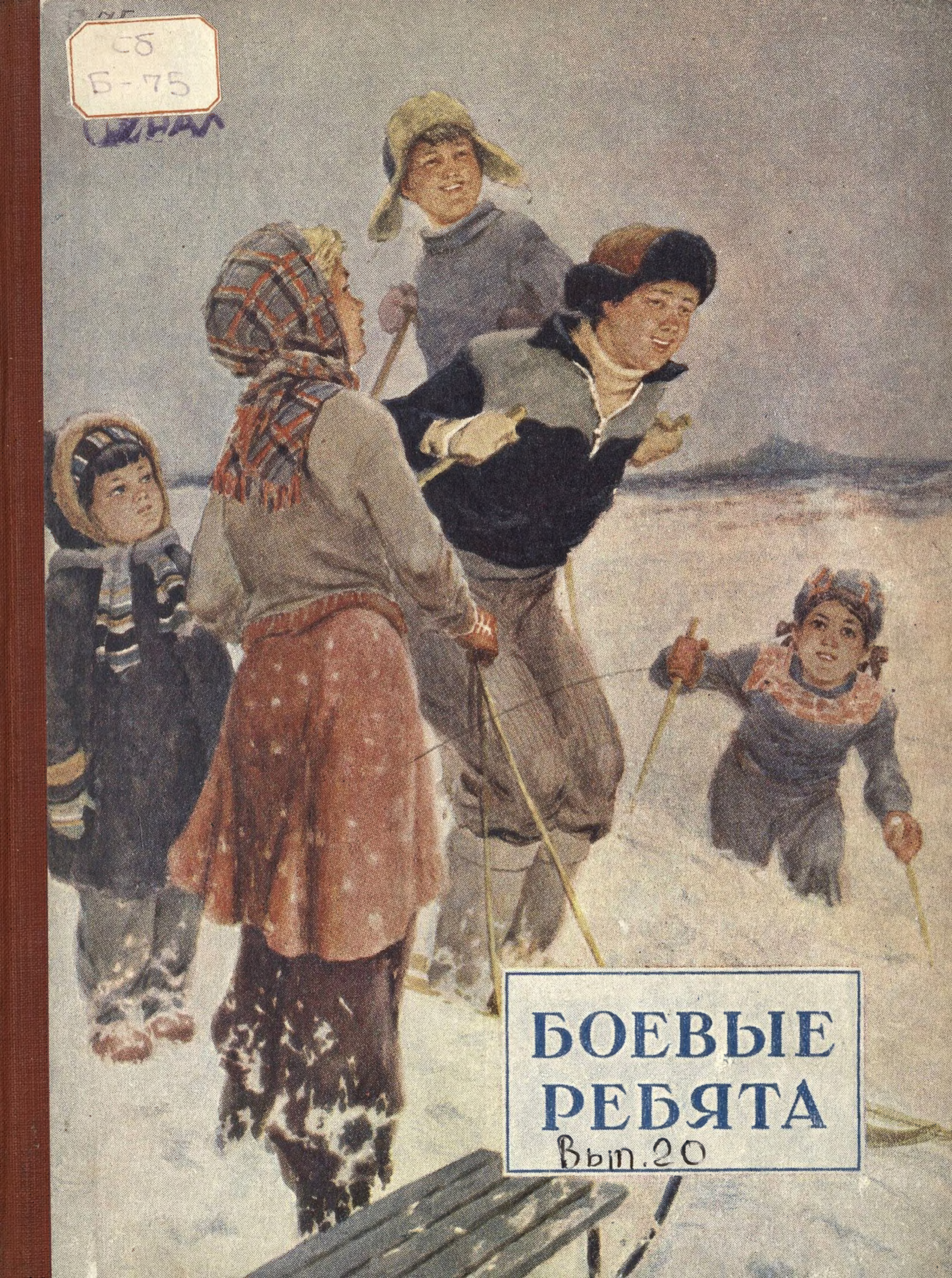

БОЕВЫЕ
РЕБЯТА
Вып. 20

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК
ДЛЯ ДЕТЕЙ

★

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

Выпуск двадцатый

Свердловское
Книжное Издательство
1954

Издательство просит читателей и библиотекарей присылать отзывы и замечания об этой книге по адресу:
г. Свердловск, ул. Ленина, 49,
Свердловское Книжное Издательство

Составители И. Пешкова, Л. Румянцев

Редактор *И. Круглик*
Обложка художника *М. Ткачева*
Художественный редактор *Н. Крижановская*
Технический редактор *Л. Носова*
Корректор *Н. Пальмина*

Подписано к печати 13/XII 1954 г. Уч.-изд. л. 6,05. Бумага $70\times92/_{16}$=3,75 бумажного —8,78 печатного листа. НС59577. Тираж 25 000. Заказ № 179. Цена 3 р. 40 к.

5-я типография треста Росполиграфпром, Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

О СОВМЕСТНОМ ОБУЧЕНИИ

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют исключительное внимание вопросам воспитания и образования подрастающего поколения.

С каждым годом все увеличивается число школ, домов пионеров, детских парков и стадионов.

Растут и благоустраиваются советские города, и обязательно там, где строятся жилые дома, вырастает красавица-школа.

Выражением этой большой заботы о вас, ребята, являются и указания XIX съезда партии о всеобщем среднем (десятилетнем) образовании и об осуществлении политехнического обучения в средней школе.

Средняя школа становится школой всеобщего обучения. Ее задачей является не только подготовка молодежи для поступления в вузы, но и подготовка юношей и девушек к производительному и творческому труду в промышленности и в сельском хозяйстве путем осуществления политехнического обучения.

Чтобы лучше выполнить эти важные задачи, школы сейчас переходят на новые программы и учебники: будет уменьшена учебная нагрузка, кроме того, новые программы предусматривают знакомство учащихся с основами современного промышленного и сельскохозяйственного производства; вводятся ручной труд, работа на пришкольных опытных участках и в мастерских; уделяется больше внимания физическому и художественному воспитанию школьников.

Очень важное значение имеет также постановление правительства о введении совместного обучения мальчиков и девочек в Москве, Ленинграде и других городах Советского Союза.

Мальчики и девочки и раньше занимались в школе по одной программе. В кружках пионерских дворцов и клубов, в пионерских лагерях они вместе отдыхали, приобретали полезные навыки. Тем и другим надо вырасти здоровыми и сильными, владеющими основами наук, надо готовиться к будущему совместному труду.

Перед советской общественностью встал вопрос: не лучше ли пойдет учеба в школе и работа в пионерской дружине, если мальчики и девочки станут учиться вместе.

Родители, учителя, комсомольцы высказались за совместное обучение. Тогда правительство решило в этом году объединить школы раздельного обучения с I по IX класс. В нашей области больше всего мужских и женских школ было в Свердловске и Нижнем Тагиле. Половина школьников Свердловска училась в школах раздельного обучения.

Еще до начала учебного года были скомплектованы новые классы и новые школьные коллективы.

Не обошлось, конечно, без трудностей. Некоторым девочкам не хотелось переходить в бывшие мужские школы, а мальчикам — в бывшие женские. Не все хорошо получалось с изучением иностранных языков. Однако с началом учебного года мальчики и девочки вместе пришли в хорошо подготовленные к занятиям классы.

Сразу у ребят появилось много работы: надо было повторять ранее пройденный материал, внимательно слушать новые темы на уроках, готовиться к выборам пионерского актива, убирать урожай с пришкольного участка, готовиться к городскому пионерскому параду. В пионерских делах и заботах крепнет дружба мальчиков и девочек.

Вот в школе № 9 пионер показывает группе девочек приемы работы у токарного станка по дереву. Внимательны и серьезны лица девочек и видно, что им очень хочется научиться так же ловко и уверенно работать в мастерской.

Во втором классе школы № 12 учительница Мария Георгиевна Белоусова ведет урок ручного труда. Ребята делают перо-

чистки для первоклассников. Работа ножницами закончена, теперь надо пришить пуговку, чтобы скрепить лепестки перочистки. И мальчики и девочки дружно овладевают этим нужным в жизни навыком.

Совместное обучение мальчиков и девочек создало лучшие условия для хорошей учебы и дружной работы в пионерских отрядах. Однако успех дела зависит от вас, ребята. Надо, чтобы все вы систематически и добросовестно готовили уроки.

Надо объявить решительную борьбу ошибкам, грязным тетрадкам, шпаргалкам и подсказкам.

Ничто не может так сдружить ребят, как совместная упорная учеба, общий труд и товарищеская критика недостатков. Все это поможет и успешной учебе и воспитанию в каждом школьнике замечательных качеств, присущих советским людям.

О. С. Комова

заведующая Свердловским городским
отделом народного образования

Н. Козьминых *Рисунки Ю. Лихачева*

(Сцены из пьесы)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ира — председатель совета отряда

Валя, Галя, Юра — звеньевой, Аркаша — 6-й класс

Зинаида Ивановна — классный руководитель
Лидия Андреевна — мать Вали
Тамара Павловна — бабушка Вали

1 сентября 1954 года. Перед занавесом. Справа выбегает Валя, прикладывая платок к лицу.

Валя. У меня нет подхода! А я и не нуждаюсь! *(Зубами отрывает нашивку с рукава и бросает ее на пол.)*

Вот! Думаете плакать стану, что не выбрали звеньевой? Нет, не стану!

Прибегает Галя со своим и Валиным портфелями.

Галя. Зачем ты убежала?

Валя *(отвертываясь)*. А тебе-то что?

Галя. Да ты сильно не огорчайся: заслужишь — снова выберут.

Валя. Я не Ирка — не очень-то нуждаюсь! Пусть она председательствует хоть до самой смерти! Только зачем она так делает? Ты же вот не выступила против меня, не стала меня ругать.

Галя. Она не ругала, она высказывалась.

Валя. Высказывалась. Захотела показать себя перед мальчишками, потому так и высказалась. А кого выбрали в нашем звене? Юрку! *(кого-то передразнивая)* Юра отличник, был звеньевым, помогает своим товарищам, дисциплинирован, хороший товарищ и состоит в авиамодельном кружке. Я тоже отличница, с похвальной грамотой перешла, тоже была звеньевой, помогала подругам, дисциплинированна и тоже хороший товарищ. Только и разница, что я не воображаю, как он! Выйдет со своей моделькой межпланетного корабля во двор и не знает, куда ее поставить. Подумаешь, изобретатель какой нашелся.

Галя. А мне казалось, он славный мальчик.

Валя *(презрительно)*. Это только тебе может так показаться! А я его знаю лучше — рядом живем. Я думала, что если нас объединят с мальчишками, то будет гораздо интереснее учиться, а сейчас... Права моя бабушка: от этих сорванцов не жди ничего хорошего!

Галя *(удивленно)*. Почему?

Валя. Во-первых, если бы мальчишки не появились в нашей школе, меня обязательно выбрали бы звеньевой. А, во-

вторых, как они обращаются с девочками? Зиночку все время дергали за косы. Представляю себе, что будет дальше!

Галя. Ой, Валя, и девочки тоже хороши! Та же Рая нарочно написала шпаргалку с неправильным решением задачи, а Коля списал и чуть двойку не получил.

Валя. А он бы не просил.

Галя. А ей не надо было давать. А так, как она, я никогда бы не сделала! *(Увидела, что у Вали нет нашивки)*. Валя, где у тебя нашивка? Смотри, и рукав порван.

Валя. Кажется... потеряла *(ищет)*. Вот она. Галя, у тебя нет булавки? Пойти без нашивки — скажут, со злости оторвала.

Галя. Булавки у меня нет. Давай попробуем гвоздиком. *(Вытаскивает из стены гвоздь)*. Ничего не получается — большой. Знаешь, что я придумала? Если кто заметит, то я скажу, что потянула тебя за рукав и нечаянно оборвала.

Валя *(обрадованно)*. Галинка, ты просто прелесть! Ты никому ничего не рассказывай, что я тебе говорила, ладно? Хочешь быть моей подругой?

Галя *(радостно)*. Конечно, хочу!

Валя. Тогда поклянемся, что мы друг от друга — никуда!

Галя. Честное слово, Валя!

Валя. И я честное слово! Но, Галя, предупреждаю, что я до ужаса ревнивая! Ты можешь дружить и разговаривать с тем, с кем я разрешу.

Галя. А с Юрой, с Аркашей можно?

Валя. Никогда! Они мои первые враги! И Ирка тоже! Ты не подавай виду, что они враги, но старайся быть от них подальше.

Галя. Валя, а может быть, лучше всем вместе дружить?

Валя. Чтобы перессориться?! Я вижу, ты совершенно не знаешь мальчишек. Это же эгоисты, самолюбы и рыцари в кавычках!

Галя *(огорченно)*. Правда? А моя мама, знаешь, что сказала? Умно сделали. Теперь наши Вовка с Димой день и ночь станут за уроками сидеть, стыдно будет перед девочками получить плохую отметку.

Валя. Я лучше тебя познакомлю с моей бабушкой. Она расскажет, как они в гимназии учились и дружили. А твоя мама просто не знает нынешних мальчишек.

Галя. Как не знает, у меня же четыре брата!

Валя. Все равно! И не будем спорить! Ты потом сама мне скажешь, что я была права. Пошли, мальчишки идут, я не хочу сейчас с ними встречаться! *(Уходят)*.

Прошло четыре месяца.

Декабрь. Комната в квартире Лидии Андреевны. Справа дверь в другую комнату, слева в коридор.

В комнате рояль, ковры, зеркала, красивая мебель. На видном месте большой портрет Вали. Зинаида Ивановна и Лидия Андреевна сидят за столиком. Тамара Павловна ставит перед ними вазу с фруктами.

Лидия Андреевна. Зинаида Ивановна, откровенно вам сознаюсь, не ожидала я, что мне придется так краснеть за дочь. Я до того сейчас растерялась, что не знаю, как мне поступить с Валентиной, что предпринять?

Зинаида Ивановна. А если... На моих уроках, да и на других, я знаю, Валя всегда рядом с Галей. Гале трудно хорошо учиться, но она берет усидчивостью, вниманием, чего, кстати сказать, не хватает у Вали. Мне хотелось, чтобы Юра — ваш сосед — вместе с Валей готовили уроки. Но Тамара Павловна так настроена против мальчиков, что я и заикаться не стала. И вот, если Валя и Галя станут совместно готовить уроки, будет, по-моему, неплохо.

Лидия Андреевна. Хорошо, Зинаида Ивановна. Я попрошу Галю, чтобы она приходила к нам заниматься.

Тамара Павловна *(возмущенно)*. Лидуша, какие нелепости ты говоришь! Разве ты не знаешь, что наша Тиночка

привыкла заниматься одна, привыкла излагать свои мысли вслух! Галина будет ей только мешать!

Лидия Андреевна. Я очень хочу, чтобы моя дочь училась попрежнему хорошо и заслужила дружбу ребят.

Тамара Павловна берет пузырек с каплями, наливает их в рюмку и выпивает. Зинаида Ивановна делает движение к Тамаре Павловне, но Лидия Андреевна жестом успокаивает ее.

Если девочки будут вас беспокоить,— у вас частые головные боли,— побудьте в другой комнате.

Тамара Павловна. Я, кажется, говорю не о себе!

Лидия Андреевна. Но, мама, вы же должны понять...

Тамара Павловна (*прерывая ее*). Я свое мнение высказала, а решать не могу — не хозяйка! (*Садится вышивать платье*).

Лидия Андреевна. Мама, нельзя ли быть спокойнее?

Тамара Павловна. Не могу, у меня от таких разговоров повышается кровяное давление!

Лидия Андреевна (*Зинаиде Ивановне*). Вы не обижайтесь на маму.

Зинаида Ивановна. Да нет, что вы, Лидия Андреевна! Тамара Павловна, кому вы вышиваете такое чудесное платье?

Тамара Павловна. Тиночке. Ребенок совсем обносился.

Зинаида Ивановна. Чересчур уж вы балуете ее.

Тамара Павловна. Одна она у нас, почему и не побаловать.

Зинаида Ивановна (*вздохнув*). Надеюсь, вы сами во всем разберетесь, Лидия Андреевна. А с Тамарой Павловной мы в конце концов подружимся. (*Тамаре Павловне*). Приходите почаще в школу, и вы убедитесь в большой дружбе между мальчиками и девочками. До свидания.

Тамара Павловна. Время покажет, многоуважаемая Зинаида Ивановна! До свидания!

Лидия Андреевна уходит провожать Зинаиду Ивановну.

И еще смеет говорить, что мы с ней подружимся! Избави бог от таких особ! Балуем Тиночку! Ну и что же, и будем баловать! Наша Тиночка вполне этого заслуживает.

Возвращается Лидия Андреевна.

Лидия Андреевна. Мама, если бы вы знали, как мне неудобно перед Зинаидой Ивановной и за себя, и за вас. Ведь она во всем права! Вы стараетесь сделать из Валентины институтку, кисейную барышню, а я все это проглядела.

Тамара Павловна *(зло)*. Твоя многоуважаемая Зинаида Ивановна, видимо, все-таки боится меня, коли сплетничает по коридорам.

Лидия Андреевна. Не сплетничает, а говорит здесь и при вас!

Входит Валя.

Валя *(целует Тамару Павловну)*. Добрый день, бабуся! *(Целует Лидию Андреевну)*. Добрый день, мамочка!

Тамара Павловна *(Вале)*. Не холодно ли ножкам было?

Валя. Нет, бабуся.

Тамара Павловна. Пойду чайку подогрею.

Лидия Андреевна. Валя сама сумеет включить чайник.

Тамара Павловна. Зачем ребенка заставлять! Пока и меня еще ноги носят.

Валя. Я включу, бабуся *(убегает в коридор)*.

Лидия Андреевна. Мама, мы только что об этом говорили! *(Садится на диван)*.

Тамара Павловна. Ребенок после школы, устал, а ты с каким-то чайником!

Вбегает Валя и садится рядом с Лидией Андреевной.

Валя. Чайник уже включен.

Лидия Андреевна. Что у вас нового в школе?

Валя. Угадай, что наша отрядная вожатая придумала?

Не угадаешь! Мы всем классом: и мальчишки и девочки будем учиться фигурному катанию. Даже, может быть, и балет поставим!

Лидия Андреевна. А ты так вся и загорелась.

Валя. Ну как же, мамочка! Я уже умею и ласточку и волчок делать. И притом я хорошо танцую, и у меня прекрасный музыкальный слух. Ты же мне это сама говорила! И я, может быть, стану такой же... как героиня из «Снежной фантазии».

Лидия Андреевна *(удивленно)*. Когда же ты успела посмотреть эту картину?!

Валя. Вчера.

Лидия Андреевна. Почему ты не спросила меня, папу или бабушку?

Валя. Так мы с бабусей... *(выжидательно смотрит на Тамару Павловну)*.

Тамара Павловна. Я сама Тиночку пригласила. Не все же мне сидеть дома! А одной опасно идти — на улице гололедица.

Лидия Андреевна *(Вале)*. Ты сейчас видела Зинаиду Ивановну?

Валя. Нет, мамочка.

Лидия Андреевна. Скажи, Валя, почему к тебе не ходят девочки?

Валя. Не знаю, мамочка.

Лидия Андреевна. А кто же должен знать?

Тамара Павловна *(презрительно)*. Я еле-еле сдержалась, чтобы не высказать своего мнения... этой многоуважаемой Зинаиде Ивановне.

Лидия Андреевна. Мама, как вам не совестно говорить о Зинаиде Ивановне таким тоном, да еще при Валентине!

Тамара Павловна. Классный руководитель, а не смогла сделать так, чтобы нашу Тиночку не прорабатывали на отряде и оставили звеньевой. И кого выбрали? Какого-то недотепу!

Лидия Андреевна. И Юрий в недруги попал!

Тамара Павловна. И в довершение всего просят о помощи!

Лидия Андреевна. Вы опять ошибаетесь. Это я просила о помощи.

Тамара Павловна. Да разве с тобой можно спокойно разговаривать! *(Отходит)*.

Лидия Андреевна. Валя, ты все еще мечтаешь о золотой медали?

Валя. Кто же об этом не мечтает, мамочка?

Лидия Андреевна. Я вот мечтаю стать хорошей артисткой и для этого, ты знаешь, я много работаю. А ты... почему ты стала хуже учиться? Ну, сознайся откровенно: что тебе мешает?

Валя. Я не знаю, мамочка.

Лидия Андреевна. Это очень плохо, что и ты не знаешь и я не знаю! Скажи, как ты относишься к Гале?

Валя. Она моя подруга.

Лидия Андреевна. Вот и хорошо! Она сегодня придет к тебе готовить уроки вместе.

Тамара Павловна *(подходит к ним с часами и показывает Лидии Андреевне)*. Смотри, если бегом, и то едва успеешь на репетицию.

Лидия Андреевна *(берет чемоданчик и целует Валю)*. А после репетиции мы побеседуем о дружбе с мальчиками. *(Тамаре Павловне)*. Я вас очень прошу, не мешайте девочкам. *(Уходит)*.

Валя *(огорченно)*. Сегодня в соревнованиях участвует чемпион мира Римма Попова, так я хотела на каток сходить.

Тамара Павловна. Кто тебя задерживает? Пожалуйста, иди.

Валя *(огорченно)*. Но ведь Галька же придет!

Тамара Павловна. Тиночка, русалочка моя, ну стоит ли из-за какой-то Гальки так огорчаться? Посмотри лучше, что я для тебя опять приготовила *(достает маскарадный костюм)*. Я когда-то за него приз получила *(подает его Вале)*. Нравится?

Валя. Мне? Спасибо, бабуся *(улыбается)*. Ой, какой красивый!

Надевает костюм. Поет и танцует. Тамара Павловна аккомпанирует ей на рояле.

Валя. Скорей бы елки!

Стук в дверь.

Тамара Павловна. Уж не отец ли?! Убери костюм, заворчит.

Идет открывать дверь. Возвращается.

Твоя опекаемая пришла. Что ей сказать, дома ты или нет?

Валя. Кто, бабуся?

Тамара Павловна. Да эта, как ее... Галина.

Валя. Бабуся, вы забыли, что мама наказала?

Убегает. Возвращается с Галей. Тамара Павловна уходит в другую комнату.

Галя. Я встретила Зинаиду Ивановну. Ты правда хочешь всегда заниматься вместе со мной? А почему ты в школе не сказала?

Валя. Так. *(Кричит)*. Бабуся, несите скорее чаю! Галя, ты ведь ничего не кушала?

Галя. У меня в портфеле сухари.

Валя. Ну, что там сухари! У нас пирожки — пальчики оближешь. *(Входит с подносом Тамара Павловна)*.

Бабуся, сюда, мы здесь попьем. *(Тамара Павловна ставит поднос на стол. Валя включает радио)*.

Голос диктора. Сейчас на стадионе «Динамо» закончились соревнования по конькам.

Валя *(выключая радио)*. Ой, как рано! Галя, ты не обидишься, если я на одну минутку сбегаю на «Динамо»?

Галя. А зачем тебе туда?

Валя. Там Римма Попова. Я хочу поговорить с ней *(подумав)* о встрече ее с нашим отрядом.

Галя. Правда?! Только, может быть, лучше договорится наша вожатая или физорг?

Валя. Это Колька-то?! Вот смех! Представляю, как он станет разговаривать. *(Передразнивая)*. Уважаемая, да уважаемая, да уважаемая, товарищ Попова! Мы, да мы, да мы всем отрядом... *(хохочут)*.

Тамара Павловна. Встреча с чемпионом Риммой Поповой — большая честь для вашего отряда. А наша Тиноч-

ка украсит эту встречу: она изумительно держится на коньках.

Галя. Лучше всех в нашем классе!

Тамара Павловна. И, главное, у нее особый подход к людям. И, конечно, Римма Попова ей не откажет.

Галя. Валя, может, и мне пойти?

Валя. Зачем? Я и одна договорюсь.

Галя. А ты скоро придешь?

Валя. Конечно, скоро.

Галя. Не забывай — заниматься нужно, контрольные начались.

Валя. Я быстренько. Бабуся, немедленно костюм и коньки!

Уходит с Тамарой Павловной в другую комнату.

Галя *(одна)*. Ой, как есть хочется! Надо было домой сперва сходить, а потом уж к Вале. *(Достает из портфеля сухари и ест их)*. Какие вкусные! Уже все! Сама виновата, девочкам раздала. А пирожки, наверное, еще вкуснее.

Приходят Тамара Павловна и Валя, одетая в красивый костюм для катка. Берет с подноса пирожок и быстро ест его.

Тамара Павловна *(Вале)*. Ну что за манера — кушать на ходу! Сядь за стол.

Валя. Некогда, некогда, бабуся! Галенька, пожелай ни пуха, ни пера.

Галя. Ни пуха, ни пера!

Тамара Павловна и Валя уходят. Галя печально посмотрела на оставшиеся пирожки, взяла из портфеля книги, вытряхнула кусочек сухарика, быстро съела его и села заниматься. Вошла Тамара Павловна.

Тамара Павловна. Галюша, ты занимаешься?

Галя. Занимаюсь, Тамара Павловна.

Тамара Павловна. Занимайся, занимайся. *(Закрывает салфеткой поднос)*. А я повышиваю. *(Садится и вышивает платье)*.

Затемнение.

Галя, включая свет, нечаянно роняет стул.

Тамара Павловна *(вздрогнув, виновато)*. Кажется, немножко вздремнула *(смотрит на часы)*. Прошло уже три

часа, а Тиночки все нет. Может быть, с ней что случилось? Галюша, ты посиди одна, я до «Динамо» дойду. А если сам придет или Лидия Андреевна и спросят, скажи, что мы вышли на одну минуточку.

Уходит. Телефонный звонок.

Галя *(берет трубку)*. Да... Я... Нет. Галя... Ира, это ты?!. Валя по делу ушла... Занималась... Решила, но не знаю, правильно или нет... Ответ? 0,45 метра. И у вас такой же? Ты от Юры звонишь?.. Ну, значит, и у меня ответ правильный... К вам? Не могу... Я одна в квартире... Лучше приходите сюда, я вам пребольшую новость скажу. О балете. Она не рассердится, а рада будет. Правда, правда! Жду. *(Кладет трубку)*. А вдруг рассердится? Нет, не рассердится...

Стук в дверь.

Войдите! *(Прячется за двери).*

Входят Ира, Аркаша и Юра. Галя громко кричит: «Ах!» Ребята в испуге отскакивают. Придя в себя, все весело хохочут.

Юра *(Гале).* Оказывается, ты веселая!

Аркаша. А я считал тебя букой!

Ира. Она Вали боится.

Галя. Нет, не боюсь!

Юра. Тогда скажи, за что ненавидит меня Валька? Ну!

Галя *(нерешительно).* Тебя выбрали звеньевым, а не ее. Ну, она и обиделась.

Юра. Так вот в чем дело?

Аркаша. А он причем?

Ира. Выбирали-то мы!

Юра. Теперь понятно, из-за чего она отлынивает от поручения звена, и тебе тоже не дает ходу. Но, если она еще будет так делать, я не постесняюсь сказать об этом даже на дружинном сборе!

Галя. Ой, а я не знала, Юра, что ты такой горячий!

Аркаша. Это он с виду только тихоня, а в сердце у него... атомный котел. Так что, девочки, ведите себя с ним поосторожней: взорваться может.

Галя. Аркаша, ты правду говоришь?

Аркаша. Я не барон Мюнхаузен, чтобы врать.

Галя. Юра, ты, пожалуйста, не говори Вале, что я тебе сказала. У Вали тоже атомный котел.

Аркаша. Нет, у Вальки водородный, и это еще в десять раз похуже!

Галя. А все-таки вы, ребята, полюбите Валю. Она знаете, где сейчас? На «Динамо»! Просит Римму Попову встретиться с нашим отрядом. Не верите?! Я вам слово даю!

Аркаша. Разве девчонка может договориться?

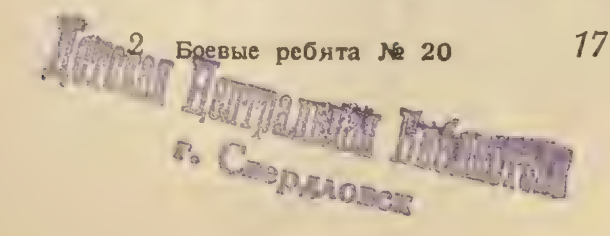
Ира. Ты опять!

Аркаша. Молчу, молчу!

Ира. Как это она ни с того ни с сего?

Аркаша. Конечно! Ее же никто не уполномачивал!

Галя. Ну и что же! Если она договорится о шефстве над

нашим отрядом, вы что, не будете рады? Ведь Попова поможет нам поставить балет. Понятно вам или нет?!

Аркаша. Вообще это идея!

Ира. А если Римма Попова сама не сможет, она познакомит нас с другим чемпионом.

Юра. Это все здорово, ребята! Но сумеет ли Валя договориться?

Галя. Конечно, сумеет!

Юра (*заглянув в окно*). Посмотрите, кто идет?

Аркаша. Сама «королева ледяной дорожки!» Давайте сядем, будто ждем ее несколько часов!

Юра. Наоборот, не покажем вида.

Галя. Правильно, Юра, я ничего не говорила. Будто вы просто так пришли. Вот будет интересно!

Ира. Аркаш, а ты что-нибудь рассказывай!

Аркаша. А вы поддакивайте.

Ребята собираются вокруг Аркаши. Входит Тамара Павловна в шубе, с коньками в руках, садится на стул и обмахивается платком. Видно, что она очень быстро шла. Ребята сидят спиной к двери в коридор и думают, что пришла Валя.

Я смотрю, Валентина еле-еле держится на подножке.

Тамара Павловна перестает обмахиваться и напряженно слушает.

Я, конечно, подлетаю к ней. Она падает в мою машину, и я со скоростью одиннадцать километров в секунду мчусь.

Юра (*лукаво*). На Марс?

Аркаша. Да, на Марс. Я совсем забыл, что ты со мной рядом был.

Тамара Павловна. Зубоскал! А я-то думала, что серьезное.

Ира. Здравствуйте, Тамара Павловна. Мы не знали, что вы здесь.

Входит раскрасневшаяся Валя.

Валя. Ой, а у меня, оказывается, гости!

Юра. Ты рада?

Валя. Ну, еще бы! Ребята, поздравьте меня!

Аркаша. Да не тяни ты!

Валя. Сейчас меня смотрела Римма Попова и сказала, что если я стану тренироваться, то из меня выйдет первоклассная фигуристка!

Тамара Павловна (*гордо*). Не кто-нибудь сказал, а сама Римма Попова!

Юра. Молодец, Валентина!

Аркаша. Она же из нашего звена.

Галя. Я же говорила!

Ира. Валя, а скажи нам...

Юра. О самом главном!

Валя. Так это и есть самое главное!

Юра. (*смотрит на Галю*). Вот так большая новость!

Галя. (*Вале*). А ты разве не разговаривала о нашем отряде?

Валя (*смущенно*) Она была занята.

Входит Лидия Андреевна. Ребята не замечают ее.

Галя. Как же так?! Ты ведь хотела договориться об отряде?!

Валя. Ты можешь помолчать?!

Галя. Нет, больше не могу! Я слово дала ребятам, а ты опять побеспокоилась только о себе! Ты ради своего самолюбия готова что угодно сделать. Ты и тройки-то получаешь, потому что у тебя все время уходит на придумывание: чем бы удивить ребят, чтобы они тебя признали необыкновенной.

Валя. Вот как ты заговорила! Я-то хоть придумываю, да зато не загребаю жар чужими руками!

Лидия Андреевна (*Вале*). Что ты хочешь этим сказать?

Тамара Павловна. Лидуша, ну зачем же вмешиваться в ребячьи разговоры? Дети часто ссорятся без всякой причины.

Лидия Андреевна. Валентина, сейчас же попроси у Гали прощения.

Валя. Мамочка, но почему я должна просить?! (*Гале*). Скоро же ты забыла о пятерке, на которую ты не имела никакого права!

Галя. Я не знаю такой отметки, которую я получила бы нечестно.

Валя. А за пейзаж с натуры? Я помогла тебе его нарисовать, а ты сдала учителю за свой и получила отлично.

Ира. Это тот, что вы в саду рисовали?

Валя *(Ире)*. Да, тот. *(Гале)*. Скажи, что неправда?!

Галя *(взволнованно)*. Неправда! Неправда! Я сдала свой! Я сама его нарисовала! А тот, что ты мне помогала, я спрятала у вас в книгах! *(Подходит к книгам)*. Вот здесь. *(Всхлипывая, ищет рисунок)*.

Лидия Андреевна. Галя, успокойся.

Тамара Павловна *(показывая на Валю)*. Напали, как коршунье на цыпленка! Родная мать и та защитить не может.

Лидия Андреевна. Мама, прошу вас, уйдите в другую комнату!

Тамара Павловна. Нет, я Тиночку одну не оставлю!

Валя *(Гале)*. Ну, что ты ревешь?! Ты же его у нас не прятала.

Галя. Его здесь нет. Но я даю честное пионерское, что я его спрятала сюда!

Валя. Значит, я его украла? И после всего этого ты думаешь, что я буду дружить с тобой? Да никогда!

Галя. Дело твое, не дружи. Но я еще раз даю слово пионера...

Валя. Я не хочу больше тебя слушать! Убирайся вон и больше никогда не заходи ко мне!

Лидия Андреевна. Валентина, опомнись!

Валя. Галька виновата, а я должна опомниться!

Ира. Валентина, как тебе только не стыдно!

Аркаша *(Вале)*. Она же тебе пионерское дала!

Юра. Пошли, ребята! Она выгоняет Галю, значит, выгоняет и нас!

Валя. Ну и уходите! Вас никто не звал! Сами пришли!

Ребята. До свидания, Лидия Андреевна!

Уходят. Лидия Андреевна идет провожать их.

Валя *(в слезах бросается на диван)*. Какие бессовестные!

Тамара Павловна. Ничего удивительного нет, завидуют тебе.

Валя. Какая Галька зловредная! Что я ей сделала?! Унижает перед мальчишками!

Тамара Павловна. Уж я никак не предполагала, что и на ней отразится их пагубное влияние. Такая была скромница, а сейчас какой язычок. Уж, кажется, мы ее неплохо принимали. Могла бы и помолчать, и это называется задушевная подруга!

Валя. Вот именно, бабуся!

Входит Лидия Андреевна. Продолжительное молчание.

Лидия Андреевна *(сурово)*. Валентина, ты понимаешь, что ты наделала?!

Занавес.

Новая соседка

Е. Долинова

Рисунки В. Бубенщикова

Вот звонок прозвенел,
Тихо в коридоре...
Нынче я за парту сел
Не с Козловым Борей.

В школе все наоборот!
Не было печали:
Мы учиться в этот год
С девочками стали!

Изменилось все у нас,
Будто в школе новой!
И за партой я сейчас —
С Галей Ивановой.

Смотрит строго, свысока
Новая соседка.
Нос дерет, наверняка,
Улыбнется редко.

Нам велели рисовать,
Кто чего захочет.
Галя вынула тетрадь,
Карандашик точит...

Я срисовывал лису,
Долго с ней возился,
Шишка вышла на носу,
Нос не получился.

Я хотел его стереть,
Переделать снова...
— Это слон или медведь? —
Шепчет Иванова.

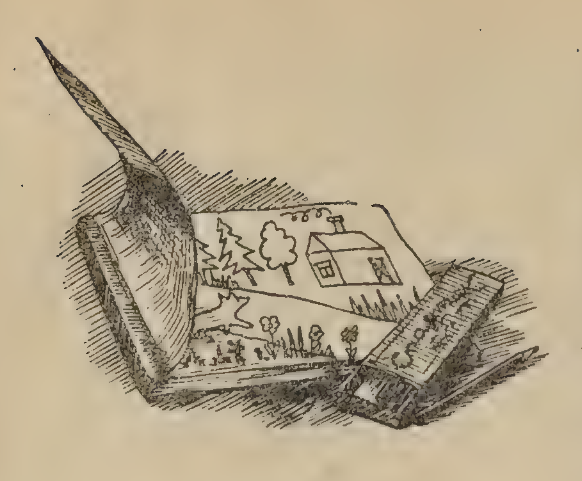
Я как будто не слыхал
Глупого вопроса,
Ничего ей не сказал,
Посмотрел лишь косо.

А она взяла тетрадь
И карандашами
Стала быстро рисовать
Речку с камышами.

— Посмотри-ка,— говорит,—
Кто идет напиться...

Вижу я: к воде бежит
Желтая лисица.

А кругом цветы растут,
Дом стоит в сторонке...

— Здесь лисицы не живут,—
Говорю девчонке.

— Знаем, знаем,— говорит,—
И без вас все знаем...
И сейчас же этот вид
Стал неузнаваем:

Разрослись в лесу густом
Сосенки и ели,
А поближе под кустом
Две... жирафы сели.

— Это как же понимать?! —
А она хохочет:
— Нам велели рисовать,
Кто чего захочет.

Что на это скажешь ей?
Как тут будешь спорить?
С ней, пожалуй, веселей,
Чем с Козловым Борей.

Пасмурный день

Алексей Белянинов *Рисунки В. Бубеницикова*

Дождь собирался долго. В окно Никифору было видно, как наползают из-за далеких гор рваные, лохматые тучи, и от этого тайга, подступившая вплотную к домам поселка, потемнела, сосны и лиственницы слились в одну сизую массу. Тучи надвигались все ближе. Дождь застучал по железной крыше. Как будто кто-то стал сыпать на нее мелкие камешки. В сетке дождя виднелся угол школы и вдали, на площади,— сельский магазин.

Никифор отвернулся от окна и с головой укрылся одеялом. Он был один в комнате. Остальные ребята ушли в школу, на занятия. А он остался. Накануне под вечер у него разболелась

голова, приходила девушка в белом халате из медпункта, мерила температуру и сказала, что ему надо полежать.

Под одеялом было темно и тепло. Никифор подумал, что и отец, и мать, и младшие брат с сестренкой тоже сейчас сидят дома.

А если дождя нет, то отец возит сено. С осени сено всегда подвозят к животноводческой ферме, чтобы зимой оно находилось поблизости. Так хорошо сидеть на высоком возу, который мерно покачивается из стороны в сторону, и покрикивать на быков! Никифор всегда помогал отцу. Даже гонял с ним скот в районный центр. Там, на большом дворе, было очень много народу. Так бывает, когда в колхозе общее собрание и все съезжаются к конторе с самых дальних участков. А пожалуй, что и еще больше! Никифор ни на шаг не отставал от отца — боялся потеряться. Но потом немного освоился, остался сторожить лошадей, водил их поить, и отец сказал, что без него, без Никифора, ни за что не управился бы так быстро.

Никифор тихонько всхлипнул под одеялом. Конечно, учиться надо, но как было бы хорошо, если б дом находился тут, рядом, или у них в Хатырыке, на ферме, была бы школа, и никуда не пришлось бы уезжать. Он стиснул зубы, чтобы не расплакаться. Еще придет кто-нибудь и увидит, что у него глаза красные и опухли. А ведь он теперь школьник.

Хотелось заснуть, но не спалось.

Скучно лежать одному, когда все ребята в школе. Ребята здесь хорошие. Есть один — он уже большой, в четвертом классе учится. Как же его зовут? Веселый такой, на перемене позавчера с двумя новичками разговаривал, расспрашивал у них, что они делают в свободное время, с кем успели подружиться. Ах, да, его зовут Миша. Никифор слышал, как кто-то назвал его так. Он — председатель совета пионерской дружины.

Никифор в школе еще только шесть дней, он ни с кем не успел особенно подружиться. Вот если бы с Мишей!

Сразу видно — он хороший товарищ. Но Миша так и не обратил тогда на него внимания, хотя Никифор нарочно подошел поближе.

Он высунул голову из-под одеяла и посмотрел в окно — не просветлело ли? Нет, попрежнему льет противный осенний дождь, так и сечет косыми нитями.

Хоть бы скорее кончились уроки в школе и возвращались ребята. И надо же было заболеть! Куда лучше сидеть в большой светлой комнате, которая называется классом, слушать, что говорит учительница — высокая седая женщина. Глаза у нее умеют быть очень добрыми и очень строгими, это Никифор уже знает. На уроках надо сидеть тихо, с соседями не переговариваться. Вот учительница что-нибудь спрашивает. Надо сперва поднять руку и, если она тебя вызовет,— говорить. Сидишь сорок пять минут, зато уж на перемене вволю набегаешься по просторному школьному двору. Играть, бегать, сколько хочешь можно, а драться школьникам не положено. Двое подрались вчера, так их сразу к заведующему повели.

Никифор поправил подушку. Как долго тянется день...

Скрипнула дверь. Никифор быстро обернулся.

С охапкой дров в руках вошла тетя Маша — уборщица интерната.

— Подтопить хочу,— сказала она.— Чтоб быстрей тебе поправляться. Вон сегодня день какой промозглый...

Она чиркнула спичку, и в печке загудело пламя. От того, что загорелся огонь, от присутствия тети Маши Никифор оживился, стал рассказывать ей, как

летом он с отцом ездил на рыбалку. Ночью, на лодке. И три щуки поймал сам.

Тетя Маша поговорила с ним немного и ушла прибрать в комнате девочек. Она всегда прибирает, пока идут уроки. Хорошая эта тетя Маша. Чем-то она на его мать похожа. Мать вот так же слушала, как он рыбачил, так же улыбалась и так же сказала тогда: «Молодец»...

Никифор вспомнил про мать и улыбнулся.

Чтобы не так скучно было ждать возвращения ребят, он тихонько запел. Этой песне про красный галстук Никифор научился у старшего брата — пятиклассника, когда тот приезжал домой погостить. Будущим летом он тоже поедет домой и сам научит кого-нибудь песне вьетнамских пионеров, которую они хором поют в классе. Хотя — даже раньше он попадет домой! Ведь зимой тоже бывают каникулы. А до Хатырыка всего пятьдесят километров. Раньше казалось, что это очень далеко.

Ему уже представлялось, как у крыльца интерната остановятся сани, как отец поднимется по скрипучим ступенькам и потом, завернутый в теплую собачью доху, он, Никифор, будет лежать в санях на мягком сене, смотреть, как убегает назад таежная дорога, как петляет она среди деревьев, притихших под нападавшим на их ветви снегом.

Он взглянул в окно. Вот она, эта дорога, выходит за поселок и скрывается в лесу. И тут он вдруг вспомнил, как вчера у правления колхоза случайно слышал разговор... Сегодня в Хатырык пойдет подвода с товарами. Продавец магазина собирается ехать.

Никифор даже сел в кровати. Он на минутку представил себе, какое счастье было бы хоть на денек попасть домой. Ведь он сейчас все равно болеет, не ходит на уроки. А дома сразу поправится, стоит только перешагнуть через порог. Обратно сюда можно с продавцом вернуться или отец привезет...

Однако, что сказать продавцу? Почему он едет домой? А врать — зачем? Он скажет, как есть,— заболел, дома лучше выздоравливать. Продавец возьмет его, конечно, возьмет! Здесь же его не сразу хватятся. Кому до него дело? А тетя Маша только в час принесет с кухни обед, она сама так сказала. Они с продавцом уже много километров успеют проехать.

Никифор спустил ноги на пол и стал быстро одеваться. Рубашку надел, брюки, намотал мягкие фланелевые портянки, которые ему перед отъездом в школу дала мать, и уже взялся за сапоги, когда на крыльце заскрипели ступеньки и послышались голоса. Он, как был, юркнул под одеяло, натянул его до самого подбородка.

Дверь в комнату отворилась, вошел тот самый Миша и с ним высокая девочка с черными тугими косами. Ее Никифор не знал.

— Это кто здесь лежит? — спросил Миша, останавливаясь посередине комнаты.

— Это я,— отозвался Никифор слабым от испуга голосом.

Миша присел на табуретку около постели.

— В первом классе учишься?

— Да. Мы в Хатырыке живем, на ферме.

Никифор грустно вздохнул.

— Катя,— обратился Миша к высокой девочке,— придется тебе заняться с первоклассниками.

— Ладно,— сказала Катя.— Ведь просто жалко смотреть.

Никифор не понял, на кого ей жалко смотреть. Он боялся пошевелиться — как бы Катя и Миша не заметили, что он лежит одетый. Как объяснишь? Это будет уже вранье, а врать ему не хотелось.

— Уроки кончились? — спросил он у них, чтобы только не молчать.

— Нет, сейчас большая перемена,— сказала Катя.— Вот мы с Мишей и зашли в интернат. Тебя проведать.

— Меня? — удивился Никифор.

— Тебя. Нам твои товарищи сказали, что ты заболел и лежишь здесь.

Никифор лежал и смотрел, как их вожатая ходит по комнате, заглядывает под койки, как провела пальцем по под-

оконнику. Он не понимал, зачем ей это нужно. Ведь сейчас перемена, играла бы себе в коридоре, раз на дворе дождь!

— Чисто у вас в комнате,— сказала она.

— Тетя Маша только что приходила, все убрала,— отозвался Никифор.

Миша встал со стула, нахмурил брови. Он, оказывается, и сердиться умеет, не только улыбаться.

— Вот и плохо,— сказал он.— Плохо, что тете Маше иной раз приходится даже постели за вас стелить.

Какой-нибудь лодырь проваляется утром, а потом бежит, сломя голову, на уроки, так кто-то за него убирать должен!

— Надо об этом заметку в стенгазету поместить,— сказала Катя.— В самом первом номере. Знаешь что, Никифор? Вот возьми и напиши.

Но Никифор признался, что он еще плохо пишет. Тогда Катя предложила, чтобы он потом рассказал ей подробно, как дела у них в комнате, а она от его имени напишет. И он же теперь будет следить за чистотой. Такое ему поручение.

Катя и Миша ушли — торопились на урок.

Никифор попрежнему лежал и смотрел в окно. В сетке дождя было видно, как у сельского магазина продавец грузил на подводу ящики с товарами, как укрывал их брезентом, чтобы не промокли.

Как только Миша и Катя прошли мимо окна, Никифор отбросил одеяло, вскочил. Быстро, чтобы никто не застал его, разделся, аккуратно сложил рубашку и брюки на табуретку.

Теперь он был рад, что не успел уехать. Во-первых, никто о нем не забыл, все помнят. Во-вторых, у него же дела. Вот и заболел, а все равно дела. После уроков придет Катя, и они будут составлять заметку в стенгазету про чистоту. И хотя по крыше попрежнему стучал дождь, Никифор больше не замечал, что день пасмурный.

ПРО ЕГОРКУ И ПРО ПЯТЕРКУ

Лев Сорокин *Рисунки А. Табатчикова*

Лень похитила пятерку
У Егорки в ясный день.
В бой решил вступить Егорка,
Победить решил он Лень.

Лень, разбойница-старуха,
Невидимкой подошла.
Шепчет мальчику на ухо:
— Ну, плохи твои дела.

Унесла твою пятерку
Я за тридевять земель.
Отдохни пойди, Егорка,
Вот — диван,
а вот — постель.

Но Егорка
стойким был —
Географию раскрыл.

И открылися Егорке
Край жары и край пурги,
Словно кто-то дал Егорке
Скороходы-сапоги.

Да такие,
что планету
Можно быстро обойти.
И Егорка шел по свету,
Примечая все в пути.

Шел Егорка по Уралу.
Это — клад,
а не земля.
Видел реки из металла,
Видел горы из угля.

Средне-Русскую равнину
Пересек мгновенно он.
И решил,
ее покинув,
Поглядеть на Волго-Дон.

Но подумал тут Егорка:
А канал-то знаю я.
Ясно, спрятана пятерка
В неизвестных мне краях.

Это, видно, Лень схитрила
И пыталась сбить с пути.
И, собрав опять все силы,
В тундру он решил пойти.

Мох и карлики-березы,
И болотная вода.
Но и в тундре есть колхозы
И большие города...

Шепчет Лень:
 — Устал, Егорка!
Но когда кончался день,
В тундре он нашел пятерку
И столкнул в болото Лень.

И Егорка стал веселый:
Эх, быстрей пойти бы в школу!

А. Виноградов *Рисунки А. Табатчикова*

I

Раннее утро. По ровным улицам небольшого крымского городка вышагивают немецкие патрули, и гулкий стук кованых сапог разносится над притихшими домами.

Из чердачного окна полуразрушенного здания школы выглядывают две ребячьи головы. Это — закадычные друзья Федя Карамышев и Володя Кудрявцев.

— Гады! — с ненавистью произносит Федя. Ребята сверху видят зеленоватый блеск немецких касок и пугливо высунутые вперед дула автоматов.

— Так вот и к нам пришли, сад срубили, а маму... она ведь на ноги становиться не может, а они прикладами...

Федя смолк, плотно сжав тонкие губы. Его худое лицо еще больше осунулось, взгляд стал злым и решительным.

— Мама удержала, а то бы убил этого фашиста,— закончил он.

— А у нас, как бандиты,— мрачно сказал Володя.— Все вещи забрали, Джека убили... А меня как стукнули в живот, я думал насмерть...

Федя отогнул нависший над ним кусок железа, процедил сквозь зубы:

— А они и хотели насмерть, да просчитались — слабо ударили. Вот наши придут, мы их всех тогда... уже недолго осталось. Слышишь? Это ведь наши орудия бьют... А когда выгоним немчуру с нашего Крыма, школу отстроим, правда, Володя? — неожиданно живо спросил Федя и решительно добавил: — я сам помогать буду. Сделаем так, что и незаметно будет, где бомба разорвалась.

Друзья спустились с чердака.

Через оба этажа и крышу в огромную дыру был виден рваный кусок ослепительно-голубого неба. Пол, заваленный кирпичом и покрытый толстым слоем красной кирпичной пыли, был проломлен, а стены изборождены осколками. Кругом царило мертвое холодное запустение.

— Как здесь стало...— протянул Володя, с тоской оглядываясь кругом.

Федя молчал, сердито сдвинув к переносице выгоревшие на солнце брови. Потом он подошел к разрушенной стене, пощупал ее, как бы проверяя на прочность, и почти весело сказал:

— А тут ерунда, отстроить быстро можно.

Он озорно посмотрел кругом и вдруг закричал пронзительно:

— За мной, Володька! — и бросился бежать по длинному коридору.

Володя мгновение растерянно смотрел ему вслед, потом пустился догонять, легко перепрыгивая через препятствия, встречавшиеся на пути. Они вбежали на второй этаж, и Федя остановился у дверей, где когда-то учился 10-й класс.

— Зайдем,— предложил он, тяжело дыша. В классе стояли четыре парты. Они уселись рядышком за одну из них, внимательно посмотрели на доску, будто там, у доски, стоит учитель и спокойно объясняет урок.

— Кудрявцев,— неожиданно вставая и направляясь к доске, важно произнес Федя,— встань!

Володя проворно встал, с шумом открывая парту.

— Расскажи, Кудрявцев, что на сегодня было задано по литературе?

Володя закатил глаза, что-то шепча, но вдруг рассмеялся и, вскочив на парту, выбил на ней замысловатое колено чечетки.

— Во как! Ну-ка, догони!

Федя удивленно посмотрел на него и сердито закричал:

— Отвечай, Кудрявцев,— но уже в следующую секунду он гнался за Володей, ловко прыгая по партам.

II

В этот день ребята побывали не только в школе, но и за городом, в роще, куда они ходили на экскурсию со своим классным руководителем ботаником Сергеем Александровичем, и на древних развалинах, где они бывали с географом Василием Дмитриевичем. Домой возвращались уставшие и голодные.

— Ты посмотри, Федя,— воскликнул Володя,— красиво-то как, а?!

Возле самого горизонта, словно зацепившись за вершину невысокого холма, сиял расплавленным золотом огромнейший диск солнца. Западная часть неба пылала, обливая всю округу багровым пламенем. Облака, похожие на пышно взбитую мыльную пену, проплывали медленно, осторожно, и полыхающее солнце золотило их нижнюю кромку.

Ребята остановились, залюбовавшись.

Зарево заката отражалось на их исхудалых лицах. Вот скрылась последняя яркая полоска. Краски мгновенно померкли, восточная часть неба потемнела, нахмурилась. Южный вечер посуровел, с севера потянуло пронизывающим ветром.

— А здорово, правда? — воскликнул Володя.— Теперь надо торопиться, а то быстро будет темнеть.

До города оставалось немного. Ребята шли не по дороге, а пустырем, на котором торчали высохшие кусты солянки и полыни. Идти было легко, холод бодрил и подгонял.

— Помнишь, как мы с тобой заблудились? — неожиданно спросил Володя и улыбнулся своему воспоминанию.

— Когда? — удивился Федя.

— Не помнишь?! Эх ты! А вот вспомни один пионерский костер...

— А!..— радостно подхватил Федя.— Здорово мы тогда!..

— Я думал, больше всех наберу хвороста, чтобы еще на такой костер хватило, а как провалился в этот овраг, да в крапиву прямо!..

— Если бы не пастухи, мы бы долго не выбрались.

— А потом, помнишь, как мы к костру нашему пришли, ребята нас увидели и закричали: «Вот они, пропавшие!» А старшая пионервожатая Вера взгрела нас...

Увлеченные воспоминаниями, ребята вошли в город и первый раз за всю немецкую оккупацию, забыв о запрете, открыто, не прячась, пошли по улицам.

Было уже совсем темно. Город молчал, словно вымер. Немецкие приказы запрещали русским ходить по городу после пяти часов вечера.

Ребята шли среди полной тьмы, молча, думая каждый о чем-то своем.

Вдруг сильный взрыв потряс землю, швырнул в лицо массу горячего воздуха. Его раскаты еще не успели докатиться до холмов, как второй и сразу же третий вновь оглушили ребят. Они остановились.

— Что это? — испуганно спросил Федя.

— Не знаю... может, наши самолеты бомбят.

Прислушались. В тишине, повисшей над городом, были слышны отдаленные раскаты войны и редкий лай чудом уцелевших собак.

— Гула не слыхать,— неуверенно произнес Федя,— сбегаем посмотрим.

Они выбежали на центральную улицу и увидели, что на месте двух больших трехэтажных домов едким дымом чадили развалины.

— Взорвали!..— догадался Володя.— Зачем это?

— Немцы отступать собираются,— уверенно объяснил Федя, и в голосе его зазвучали радостные нотки.— Я знаю. Дома рвут — верный признак. Скоро наши придут. Бежим домой, маму обрадуем.

— Постой,— заволновался Володя,— а что если они и нашу школу так взорвут?

В это время взрывы вновь раскололи ночную тишину.

— Четыре,— насчитал Володя.— А чем они их рвут?

— Толовыми шашками. Внутрь вставляют шнур специальный и поджигают. Его даже потушить нельзя — отрезать только можно.

— Знаешь как сделаем? — хватая Володю за руку, энергично заговорил Федя.— Бежим в школу! Если только немцы подожгут шнуры, мы отрежем их.

— А как мы найдем эти шнуры? Темнота ведь.

— Они же светиться будут, гореть. А искать их будем в кочегарке. Завод когда взрывали, под фундамент тол закладывали.

— Бежим... я буду следить за парадным входом, а ты со двора,— уже на бегу договаривался Володя,— чтобы не прозевать.

III

Федя устроился за кучей кирпича так, что ему были видны и окна и вход в кочегарку.

Было за полночь. Холодный ветер обжигал лицо, руки, забирался под пиджак. Дрожь передергивала тело.

Мальчик старательно прислушивался, но, кроме неопределенного шума и биения собственного сердца, ничего не слышал. А сердце билось то слишком быстро, то почти совсем останавливалось, тоскливо замирало. Разыгравшийся ветер подхватывал легкие предметы и кружил их в воздухе, создавая возле Феди подозрительный шум, или вдруг натыкался на листы оторванного железа и издавал протяжный стон, словно от боли. Тогда Федя еще плотнее прижимался к земле и оглядывался. Ему казалось, что он отовсюду виден и кто-то подходит к нему.

«Холодно как,— подумал Федя, стараясь утихомирить дрожь.— Что это меня так трясет?.»

Он сделал над собой усилие, крепко сжал кулаки и немного успокоился.

Но вдруг в окнах кочегарки Федя увидел яркую вспышку, на миг ослепившую его.

...Володя не заметил этой вспышки. Он лежал на улице возле парадного входа, откуда не видны ни окна, ни двери кочегарки, и боролся с желанием вскочить на ноги и закричать в надежде, что кто-нибудь откликнется и даст возможность убедиться, что он не один в этой страшной кромешной тьме. Володе захотелось скорее очутиться в подвале кочегарки. Он сорвался с места и, не думая об опасности, побежал в школу. Вот знакомые четыре ступеньки, и он — в школьном коридоре.

Володя прислушался. Ветер трепал в проломе крыши лист железа, извлекая из него резкий скрежет и визг.

Было страшновато, но Володя почему-то не очень верил, что в школе могут быть немцы.

Он осторожно пошел вдоль коридора к лестнице, которая вела в кочегарку. Скоро нащупал косяк двери.

— Наш 6 «б», — определил Володя. — Еще семь дверей, и поворот к лестнице. Три... четыре... пять... Еще две, а там поворот, лестница вниз... Володя шагнул в простенок между пятой и шестой дверью и вдруг попятился обратно. Он услышал быстрые тяжелые шаги.

Володя прислонился спиной к двери и замер. Страх овладел им.

— Убежать! — молниеносно пронеслось в голове, и он сделал движение, чтобы выйти из-за укрытия, но другая упрямая мысль удержала его:

«Ни за что не убегу!»

Несколько секунд он слышал только голоса и гулкие шаги кованых сапог. До боли в глазах всматривался в темноту, прислушивался. Голоса и шаги приближались и вдруг загремели совсем рядом. Два немца, разрезая темноту острыми лучами фонариков, о чем-то на ходу переговариваясь, пробежали мимо Володи и скрылись за дверью.

«Подожгли!» — подумал Володя. Он выскочил из-за укрытия и мигом очутился у самой лестницы в кочегарку. До первой площадки ступенек было немного, он хорошо это помнил и, не останавливаясь, прыгнул вниз. «Но что здесь?..» — Володя обо что-то ударился и грохнулся на цементный пол. Почти одновременно по пустому коридору разнеслась оглушительная автоматная очередь, за ней вторая, третья...

«Немцы!..» — догадался Володя и вскочил на ноги.

Что-то тяжелое и тупое ударило его в спину и ногу, еще раз и еще раз в спину. Володе стало нестерпимо больно. Он упал на колени и потом тяжело опустился на холодный цементный пол.

А Федя тем временем лазил по подвалу, натыкаясь в темноте то на кучу шлака, то на какие-то железные предметы, стараясь найти место, куда немцы заложили тол. В том, что они его заложили именно в кочегарке, Федя не сомневался. Иначе зачем бы они зажигали здесь спички? Но как найти это место?

Федя снова и снова, ползая на четвереньках, ощупывал каждый метр подвала. Острые кусочки шлака, разбросанные по всему полу, изранили ему колени. Но Федя не чувствовал боли, он перебирал руками и коленями, захваченный одной мыслью: отрезать горящий шнур.

— Где же Володя? Почему он не идет?

Беспокойство за друга с каждой минутой нарастало.

Совершенно неожиданно Федя увидел зеленоватый свет, убегающий под фундамент.

— Нашел!..

В это время тишину расколола автоматная очередь и через некоторое время — вторая, третья. Федя замер.

Он оглянулся на входную дверь, напрягая слух и зрение, но тишина попрежнему была пустой и звонкой.

Вдруг, словно огнем, обожгла мысль:

« В Володю стреляли!..»

Он пополз было к двери, но вспомнил про шнур. С большим трудом догнал он убегающий зеленоватый огонек и обрезал шнур. До толовой шашки оставалось несколько сантиметров.

Федя быстро выбирался из кочегарки. От напряжения и усталости силы совсем покидали его: руки и ноги дрожали, перед глазами сновали огненные точки. Но он упорно шел вперед. «Только бы добраться до Володи». У выхода из кочегарки Федя остановился, глубоко вздохнул и с трудом начал подниматься по лестнице. Ноги его совершенно ослабли, сделались чужими. Он пытался удержаться за стенку, но не сумел и медленно опустился на ступеньку... В это время на ступеньках кто-то засто-

нал. Федя настороженно прислушался. Вдруг Володин голос отчетливо произнес:

— Вот он светится... Режь... Где ты, Федя?.. Режь!

Федя забыл про боль и усталость. Он сорвался с места и мигом очутился возле Володи.

— Володя... что ты, Володя!..— он ощупывал его дрожащей рукой и попал во что-то теплое и липкое. Федя отдернул руку, машинально вытер ее о свой пиджачок, но уже через минуту подхватил Володю и, собрав все силы, потащил вверх по лестнице.

— Пусти,— слабо сопротивлялся Володя,— Федя, режь!.. Вон он светится... Куда!.. Куда...

— Володя... не надо...— прерывающимся голосом уговаривал Федя.— Отрезал уже...

Федя с трудом открыл тяжелую парадную дверь, ветер освежающе пахнул в лицо. Володя встрепенулся. Они опустились на землю: тащить товарища дальше у Феди не было сил. Вдруг Володя открыл глаза, удивленно посмотрел на Федю, потом медленно перевел взгляд на школу.

— Значит... стоит...— радостно, но с трудом выговорил он. Федя не в силах был ничего ответить: рыдания подкатили к горлу, горячие слезы застилали глаза, обжигали щеки.

— Федя,— чуть слышно опять заговорил Володя...— Вот придут ребята, опять учиться будут... Владимир Сергеевич приедет... рады будут... Правда? — Володя замолчал. Дыхание его стало коротким и редким, он закрыл глаза, полежал так немного и потом чуть слышно спросил: — Мы сейчас домой пойдем?.. Мама там... ищет, наверное... волнуется...

Голова Володи сползла с Фединых колен. Он глубоко вздохнул и затих. На губах застыла светлая улыбка. Федя дотронулся до друга рукой и вдруг закричал не своим голосом. Володя

безжизненно лежал на земле, озаренный красным заревом артиллерийских вспышек. С востока, быстро нарастая, надвигался мощный гул наступающей Красной Армии.

Сейчас над массивной дубовой дверью этой школы надпись: Средняя школа № 26 имени пионеров Володи Кудрявцева и Феди Карамышева.

Подружились

П. Корноухов *Рисунки В. Васильева*

После уроков, когда все ребята с шумом собирали книги и тетради, заводила всех ребячьих затей, рыжий и курносый Гриша вскочил на парту и, стараясь придать своему круглому, задорному лицу серьезное выражение, объявил: «Ребята! Завтра пойдем на тайный остров. Если кто трусит или кого не отпускает мамка,— при этом он так выразительно посмотрел на новичков-братьев, сидящих на первой парте, что друзья его громко расхохотались, а Гриша продолжал: — могут записаться у городских мальчиков Володи и Саши».

Обиженные злой шуткой братья вскочили из-за парты. Володя подошел к Грише, зло посмотрел на него и проговорил сквозь зубы:

— Ты, рыжий, сказал, что мы трусы, а ну, повтори!

— Ну и повторю, что вы...

— Ах, ты! — Володя размахнулся, чтобы ударить, но кто-то подставил ему ногу, и Володя упал.

Саша бросился на выручку брату, но тут Гриша схватил его сзади за шею и вытолкнул из класса. Вслед за братом в коридор вылетел и размахивающий руками Володя.

Гриша насмешливо кричал им вслед:

— Эй, городские! Жалуйтесь идите, пока учитель в школе, да скажите, что Гришка надрал.

— Мы не ябедники,— сунулся в дверь Саша, — а хочешь драться, выходи один на один.

Саша — маленький и худенький мальчик, конечно, не мог бы справиться с Гришей, но злость, вызванная обидой, придавала ему храбрости. Гриша продолжал подсмеиваться:

— Ты, может, и остров открыть не испугаешься, мальчик с пальчик?

За Сашу ответил брат:

— Ты, рыжий, можешь болтать, что угодно, но ваш секретный остров мы найдем, да еще свой откроем получше вашего.

— Ха! Ха! — смеялся Гриша,— на шесте сорока трещала, попусту кричала! Нос убирай, а то прижмем дверью!

Прозвище «рыжий», брошенное рыжеволосым и веснушчатым Володей, рассмешило друзей рыжего Гриши, и один из них, нараспев, затянул:

— Рыжий рыжего спросил: где ты бороду красил?

— Ну, ты замолчи,— оборвал его Гриша.

Братья, расстроенные, подошли к окну. Из окна школы была видна вся деревня: маленькие одноэтажные с деревянными крышами дома, за ними скотный двор, а дальше — поле, коегде покрытое островками тающего снега. За полем виднелся еще по-зимнему темный лес. Вдали высоко над лесом поднималась каменная скала «Сокол».

Горячие лучи весеннего солнца проникали сквозь двойные рамы, румянили обиженные лица братьев.

После третьей четверти они переехали сюда из города и никак не могли подружиться с деревенскими ребятами. Простой, обычный разговор переходил у них в спор, а потом в ссору. Чувствуя себя одинокими, братья с грустью вспоминали городских друзей, светлую многоэтажную школу, кино, театры и дворец пионеров.

— Не надо было папе в МТС ехать,— с огорчением проговорил Саша.

— Эх ты, папа сколько раз объяснял, что сейчас самое главное государственное дело — это поднимать сельское хозяйство. Его партия направила, а ты — «не надо было ехать». Еще пионер! Расхныкался! Вот давай найдем Гришкин остров и свой откроем!

На другой день был сбор пионерского отряда. По обычаю, сбор начинал барабанщик, но он не пришел.

Вожатая обратилась к выстроившемуся в линейку отряду.

— Ребята! Наш барабанщик заболел. Кто его может заменить?

Все молчали. Саша подтолкнул брата.

— Володя, ты умеешь? — спросила пионервожатая.

— Он здорово умеет,— ответил за брата Саша. Володя медленно подошел к барабану, привычно накинул на шею ленту и взял палочки. Десятки пионерских глаз внимательно смотрели на него.

— Смелее, Володя,— тихо сказала пионервожатая.

Володя сильно ударил.

Частая дробь становилась все громче и громче. Палочки мелькали так, что их было почти не видно, но Володя все усиливал и учащал удары. Ребята изумленно смотрели на барабанщика, а дробь, перешедшая уже в сплошной гул, резко оборвалась, послышались возгласы восхищения: «Ух! Как здорово!».

— Молодец, Володя,— улыбаясь, сказала пионервожатая,— а где ты так щеку расцарапал?

Володя покраснел, не зная, что ответить. «Неужели скажет?!» — подумал Гриша. Володя же, помолчав, ответил:

— Упал и расцарапал.

После сбора к Володе подошел Гриша.

— Ты молодец, здорово барабанишь.

— Зато не хвастаюсь, как ты островом.

— А я и не хвастаюсь, найдешь — добро пожаловать, — и, хитро подмигнув, отошел от Володи.

Рано утром, когда солнце только показалось из-за горизонта, Володя и Саша вышли из дому и направились в сторону леса. Рыхлое сырое поле за деревней облепило ботинки ребят тяжелыми ляпками земли. Было прохладно. Солнце освещало только верхушки сосен, а в ветвях еще держался прозрачный голубой туман, и видно было, как он, переливаясь, поднимается и тает в солнечных лучах.

Неожиданно лес кончился. Перед изумленными братьями высоко над соснами поднималась каменная скала. Она была гладкая, словно полированная, и лишь кое-где из невидимых трещин торчали карликовые изогнутые сосенки и голые прутики кустиков. Забраться на скалу с этой стороны было невозможно, и братья, перелезая через камни, пошли в обход.

На противоположной стороне чуть заметная между камней тропинка вела вверх. С трудом ребята забрались на вершину скалы — гладкую, как стол, небольшую площадку.

Сосны, высокие и стройные, сверху казались маленькими и тонкими. А вдали, до самого горизонта, виднелось много небольших озер, покрытых льдом. Недалеко от скалы начиналось круглое, как тарелка, озеро, посреди которого темными пятнами на белом льду выделялись заросшие кустарником и соснами маленькие островки.

— Сколько островов-то! — воскликнул Саша.

Лед этого озера по берегам оттаял, и широкие трещины пересекали его во всех направлениях.

— Давай слезать, страшно тут,— позвал Саша Володю, который, намечая обратный путь домой, предложил пойти по берегу озера. Спустившись, ребята прошли через лес и вышли к озеру. Проходя по берегу, они заметили в редких камышах вытаявшую из-под снега лодку. Под лодкой оказалось весло.

Обрадованные находкой, братья стащили лодку в оттаявший закраек озера и, отталкиваясь веслом и палкой, направили в широкую трещину, голубая дорожка которой, изгибаясь, доходила до острова.

Володя сел на самый край кормы и, не торопясь, отгребался веслом. Недалеко от острова отколовшаяся льдина преградила путь. Лодка наехала на нее и не сдвигалась. Саша уперся палкой в лед и надавил; лед трещал, но лодка оставалась на прежнем месте. Тогда Саша надавил сильнее, всей грудью, лед треснул и со звоном провалился. Саша, потеряв опору, упал. Лодка, накренившись, зачерпнула воды и стала погружаться. Володя выскочил из лодки и пытался выбраться на лед, но лед обламывался и обламывался, больно раня руки.

Володя поймал весло, положил перед собой и, опираясь на середину, медленно-медленно выбрался из воды. Лежа, подал весло брату:

— Поползли, Саша, только не вставай, а то снова провалимся.

Несколько минут ребята осторожно ползли, чувствуя, как от каждого движения хрустит под ними лед.

Вдруг Саша вскочил и быстро-быстро побежал к острову, лед под ним прогибался, хрустел...

«Только бы не провалился, только бы не провалился», — думал со страхом Володя, но, увидев, что Саша, прыгая с камня на камень, выскочил на берег, не выдержал сам и, не выпуская из рук весла, изо всех сил побежал к острову.

С одежды ручьями стекала вода, ботинки хлюпали, а братья бежали и бежали, стараясь разогреться. В изнеможении опустились они на ствол сухой, поваленной ветром сосны. Володя выбросил из кармана размокшую коробку — последнюю надежду на тепло.

Голые, дрожащие ребята кое-как отжали и с трудом натянули на озябшее тело мокрые холодные рубашки. Подпрыгивая и стуча зубами от холода, братья снова побежали по острову.

Несколько раз они пытались зайти на лед, но он обламывался, а ледяная вода, как огнем, обжигала ноги. Братья поняли, что самим с острова им не выбраться и закричали:

— А-а-э-э, помогите! Помогите-е! — Эхо далеко разносило голоса ребят, а они кричали и кричали, потом обессиленные от холода и переживаний притихли, вслушиваясь в окружающую тишину. Братья теряли последние надежды, как вдруг до них донесся далекий протяжный свист.

— Кто-то свистит, слышишь?— проговорил Володя, не веря своим ушам. Напрягая последние силы и охрипший голос, закричал:

— Э! Э! Помогите! Помогите! — Ответный свист слышался все яснее и громче. И вот из-за острова показалась лодка. В ней стояли ребята. Дружно и быстро работая веслами, они ловко направляли лодку по трещине льда, и она послушно и быстро, вспенивая носом воду, приближалась к дрожавшим братьям. На носу лодки стоял Гриша. Его розовая рубашка промокла и казалась темной. Крупные капли пота катились по бледному от напряжения веснушчатому лицу. Лодка с ходу въехала на берег.

— Вы чего орали? — спросил Гриша, выскакивая с ребятами из лодки.

— Да вот Сашка упал и лодку перевернул,— как бы оправдываясь, говорил Володя.— Да и спички у нас размокли.

— Эх вы, горе-рыбаки,— проговорил покровительственно Гриша и, обращаясь к своим друзьям, скомандовал:

— Быстро сучьев, костер палить будем, согреться им надо.

— Сейчас жарко будет,— говорили наперебой ребята, накрывая братьев своими теплыми ватными фуфайками и отправляясь за сучьями. Через несколько минут на острове разгорелся жаркий костер.

— Мы видели, как вы на «Сокол» забрались. Думали, что подсмотрели за нами, а потом слышим — закричали, решили, что тонете, и поторопились к вам на выручку.

— Я-то ничего,— отвечал Володя,— а вот Саша как плюхнулся в воду, перепугался, уж думал не вынырнет.

— Холодная вода, Саша? — спросил, смеясь, Гриша.

— Горячая, как огнем жжет.

Костер разгорался все сильнее...

На кроватях, стоящих в разных углах светлой комнаты, под теплыми ватными одеялами лежали Володя и Саша. После купания в озере их лихорадило, и им запретили вставать с постелей. В комнате было чисто и тихо, пахло лекарствами.

Солнечные лучи, отражаясь, играли на стене, и братья молчаливо и печально наблюдали за ними. Кто-то стукнул в окно, и сейчас же в нем показалось круглое улыбающееся лицо Гриши.

— Заходи! Заходи! — закричали братья, махая руками. Гриша кивнул в ответ головой, и через минуту осторожно открылась дверь. Гриша на цыпочках вошел в комнату.

Братья, забыв про запрет, вскочили с кроватей.

— Здравствуйте,— чинно поздоровался Гриша.

— Проходи, проходи, садись сюда.

Гриша с интересом разглядывал комнату, живые карие глаза его не пропускали ни одного предмета.

— А это что такое? — спросил он, разглядывая внимательно подъемный кран, собранный братьями из конструктора.

— Это кран,— стараясь опередить Володю, ответил Саша,— смотри, как он работает. Закрутились колесики, тонкая бечевка натянулась и подняла груз, потом повернулась стрела крана, и груз медленно опустился в другое место.

— Вот это да! — воскликнул Гриша.

— У нас еще один есть, тот мы тебе подарим,— и Саша полез под кровать. В тот момент, когда он вытаскивал оттуда тяжелую коробку конструктора, в комнату вошел отец.

— Что это больные делают? — спросил он строго.

— Вот, папа, это тот мальчик, который нас с острова вывез.

— Я хочу подарить ему свой конструктор,— перебил, поднимаясь на ноги, Саша,— с Володей нам одного хватит.

— Правильно решил. Значит, подружились? — сказал отец, ласково трепля Гришины рыжие вихры.

— Подружились! — в голос ответили друзья.

Люда читает

Н. Садовый — *Рисунок Н. Крижановской*

— Людмила, здравствуй! Как дела?
Что так бледна? Болела?
Ты у меня весь месяц не была.

— Я все над книгами сидела,
По десять книг в иной читала день,
Сама дивлюсь, куда девалась лень!

— А что прочла ты?
— Да не счесть
Всего, что я успела перечесть.
— А все ж? — спросила Валя снова.
— «Стожары» Маршака, «Каштанку» Льва Толстого,
Крылова «Сын полка», Катаева «На дне»,
Еще читала пьесы и поэмы
Да разные статьи — о звездах, о Луне

И на другие темы.
Но более всего запали в память мне
Рассказ, как Тартарен сражался с Тарасконом,
Как Буратино ездил на слоне
И как Лиса дарила сыр воронам.

— Постой, да у тебя ведь каша в голове,—
Подруге Валя возразила с жаром.—
Чем гору книг читать, теряя время даром,
Прочла бы толком две!

КОЛХОЗНЫЙ УЧЕНЫЙ

Б. Дижур

Часто случается так, что новое в науке открывают не только ученые, но и люди практической деятельности, смело мыслящие, не боящиеся вступить в спор с установившимися взглядами.

Таким замечательным новатором в сельскохозяйственной науке является скромный полевод зауральского села Терентий Семенович Мальцев.

Трудными путями пришел Терентий Семенович в науку. В детстве он не имел возможности учиться даже в сельской школе. Отец считал излишним обучать сына грамоте. Темный,

богобоязненный крестьянин опасался, что чтение книг сделает его сына неверующим, грешником, привьет ему вредные и опасные мысли.

Молитвенник — единственная книга, которую маленький Терентий видел в детстве.

Ну что ж! Молитвенник, так молитвенник! Ведь в нем тоже есть буквы, а из них сложены слова... и произошло то, чего никак не мог предвидеть отец: к девяти годам мальчик свободно читал, тайком от отца доставая книги. Но надо было научиться и писать! Зимой на снегу, а летом на песке вычерчивал он палочкой буквы и цифры, решая свои первые задачи.

Пытливый мальчик почти без всякой помощи овладевает самыми различными знаниями. Он читает книги, бродит по полям, вглядываясь в явления природы, наблюдает жизнь и глубоко задумывается над тем, что его окружает.

А жизнь кругом была безрадостна. Крестьянская беднота страдала от неурожаев: сухие ветры — частые гости в Зауралье — безжалостно сушили землю, сжигали хлеба, травы, живую свежую зелень деревьев.

Маленький Терентий не раз видел, как скорбные, с почерневшими от горя лицами выходили крестьяне в поле, неся иконы, как, безнадежно глядя в синее безоблачное небо, они взывали к богу, прося защитить их поля от суховеев, спасти от недорода и смерти.

Но в природе ничего не менялось. Чудес не происходило. Осенью крестьяне угрюмо снимали со своих полей скудный урожай хлебов.

Сомнения рано посетили душу будущего ученого. Не случайно в селе он получил прозвище «Терешка-безбожник». Да, он действительно, вопреки всем стараниям религиозного отца, вырос безбожником, человеком, который с юности понимал, что бороться с недородом можно только вооружившись наукой.

Первый свой опыт Терентий Семенович провел в 1922 году. Было ему в то время 27 лет. Молодой, горячий, готовый на любой отчаянный подвиг, он решил действовать вопреки принятым обычаям. Стояла теплая ранняя весна. Терентий Семено-

вич предложил отцу приступить к боронованию парового поля.

— Как же можно? Люди на смех подымут, раньше пасхи никто в поле не выезжает...— возражал старик.

Но Терентий настоял на своем. Он понимал: надо принять все меры, чтобы сохранить в почве весеннюю влагу, а то налетит суховей и высушит землю так, что потом брошенные в нее семена не смогут прорасти.

Он выехал в поле и заборонoвал его. Старики посмеивались над поспешностью молодого Мальцева.

Но «хорошо смеется тот, кто смеется последний». В пасхальные дни восемь суток подряд дул свирепый суховей. Как и ожидал Терентий Семенович, почва на крестьянских полях оказалась высушенной, и только на его участках в почве сохранилась влага.

Всходы сорняков, которые успели прорасти, Терентий Семенович уничтожил особой лапчатой бороной собственной конструкции. А когда наступило время сева, Мальцев одновременно со своими соседями посеял яровую пшеницу, и его поле вскоре покрылось дружной щетинкой пшеничных всходов. Поля же его соседей представляли собой жалкое зрелище: густо поднялись сорняки, которые заглушали чахлые, слабые стебли пшеницы.

Этот первый наглядный урок заставил жителей села крепко призадуматься.

Нововведения одно за другим появлялись в тогда еще единоличном хозяйстве Мальцевых.

Терентий Семенович делал все не так, как было принято раньше. Привыкли считать, что на посев лучше оставлять самые мелкие семена, а Терентий Семенович делал наоборот: для посева отбирал самые крупные.

Да и многое другое удивляло соседей Мальцева. Кое-кто говорил, что все эти выдумки и блажь к добру не приведут. Но годы шли за годами, а на полях молодого опытника урожаи становились все лучше и лучше.

Односельчане Мальцева поняли, что их надежды на бога бесполезны. Наука — вот истинный союзник в борьбе за урожай. Они начали приходить к Мальцеву за советами, хотя

многим казалось слегка зазорным учиться у эдакого юнца. Однако «юнец» оказался неплохим учителем. Он организовал кружок, в котором обучал односельчан правильным научным методам земледелия. Он показывал им, на какую глубину надо пахать землю, изменил сроки сева, усилил борьбу с сорняками, ввел протравливание семян, уговорил крестьян купить вскладчину кое-какой сельскохозяйственный инвентарь.

А когда в 1930 году бедняки и середняки селения Мальцева объединились в колхоз «Заветы Ленина», они предложили Терентию Семеновичу быть колхозным полеводом.

Односельчане вручили ему самое дорогое, что у них было,— землю. На его плечи возлагалась ответственная и почетная задача: снимать с колхозной земли высокие урожаи.

С тех пор прошло 24 года. Терентий Семенович бессменно работает на вверенном ему участке. Он возглавил опытную станцию, где испытываются новые методы земледелия. Урожаи хлебов в колхозе неизменно растут. И даже в самые засушливые годы в колхозе «Заветы Ленина» не знали, что такое недород.

О работе колхозного полевода, о его интересных методах заговорили в соседних колхозах, заговорили в Курганской области. У Мальцева нашлись последователи, о нем стали писать в газетах. За высокие урожаи он получал ордена, за многолетнюю деятельность полевода получил звание лауреата Сталинской премии. А в августе 1954 года произошло следующее.

Сотни людей из самых разных концов Советского Союза: с Алтая и из Москвы, из Одессы и Ленинграда, из Киева и Свердловска, ученые, академики, работники министерств, агрономы, председатели колхозов, журналисты, преподаватели вузов, студенты сельскохозяйственных институтов съехались на совещание в село Мальцево, Шадринского района, Курганской области.

Совещание это проводилось по решению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Вряд ли кто-либо из съехавшихся сюда людей мог бы вспомнить еще одно подобное совещание в своей жизни.

Такого никогда и нигде не было.

Ученые, министры, академики съехались к колхозному полеводу, чтобы посмотреть результаты его трудов, поучиться у него новому слову науки.

Сельские улицы были запружены машинами. Для гостей были разбиты брезентовые палатки. В специально построенном здании проходило совещание. Здание не могло вместить всех желающих присутствовать. Многие расположились на траве, на бревнах вокруг здания и внимательно слушали речи, которые передавались по радио.

Терентий Семенович Мальцев выступил с большим докладом.

Чтобы понять то новое, что внес Мальцев, надо оглянуться на вчерашний день нашей сельскохозяйственной науки.

В Советском Союзе создано большое и интересное учение о почве, о ее плодородии, о том, как заставить землю давать человеку много хлеба, овощей, плодов.

Наблюдая жизнь почвы, некоторые ученые заметили, что почва особенно плодородна там, где росли многолетние травы. Почему это? Дело в том, что корни этих трав разрыхляют почву на мелкие комочки величиной от горошинки до лесного орешка. Кроме того, отмирая, эти травы оставляют в почве корни, которые превращаются в перегной. Перегной и известковые соли, находящиеся в почве, склеивают комочки, а такая комковатая почва хорошо пропускает воздух, хорошо сохраняет влагу и особенно плодородна.

Наблюдая все это, академик Василий Робертович Вильямс предложил учиться у природы создавать на наших полях плодородную почву.

Как же это сделать?

Прежде чем сеять хлеб на полях, надо на 2—3 года высеять смесь многолетних трав: клевер с тимофеевкой или житняк с люцерной. Они придадут почве плодородие, сделают ее комковатой.

Так и делали во многих колхозах нашей страны. Кое-где получались хорошие результаты. Почва делалась плодороднее. Но не везде. В иных местах многолетние травы занимали огромные площади, которые можно было бы засеять хлебом, а сами травы плохо росли, не давая никаких урожаев. При-

шлось подумать о том, чем бы заменить многолетние травы, как бы научиться восстанавливать плодородие почвы иначе?

Думал над этим и Терентий Семенович Мальцев.

— Почему за однолетними травами укрепилась слава разрушителей почвенного плодородия? — спрашивает Мальцев.— Этот взгляд тормозит развитие науки! Корни пшеницы или ячменя, овса или горчицы, корни любого однолетнего растения способны так же, как многолетние травы, и разрыхлять почву на комочки, создавая ее структуру, и накапливать перегной, обогащая почву питательными веществами.

— Не однолетние растения, не хлеба разрушают почву,— говорит Мальцев,— а мы сами! Мы плохо хозяйничаем. Мы слишком много рыхлим почву. Нельзя из года в год вспахивать землю. В ней живут миллиарды микробов. В верхних слоях селятся те из них, которые нуждаются в воздухе, в нижних слоях, наоборот, те микробы, которым воздух вреден. Но и те и другие являются помощниками земледельца в его борьбе за урожай. Они перерабатывают остатки растительных корней, они помогают накоплению перегноя, участвуют в создании плодородия почвы. Ежегодно вспахивая землю, перевертывая пласты почвы, мы нарушаем естественную жизнь ее: выбрасываем на поверхность слои, содержащие микробов, которым воздух вреден, и, наоборот, погребаем микробов — любителей воздуха.

Чтобы правильно вспахивать землю, не перемешивая слои почвы, не выбрасывая ее из глубины на поверхность, Мальцев сконструировал безотвальный плуг.

Особенность этого безотвального плуга в том, что он глубоко рыхлит почву (на 40—50 см, а то и более), при этом не переворачивая почвенных слоев, а только взрыхляя их и незначительно перемешивая.

В основном же масса почвы остается на своем месте.

Такая обработка почвы позволяет производить вспашку один раз в три-четыре года. В течение же всех этих лет семена пшеницы, овса, ячменя и других однолетних культур высеваются по стерне, то есть по невспаханному полю. Чтобы хлеба не глушились сорняками, по полям весной и осенью ходят особые

орудия — дисковые лущильники, которые очищают поля от всходов сорняков.

Разработанные Мальцевым приемы обработки почвы широко применялись во многих колхозах Курганской области и давали очень высокие урожаи. А теперь, после августовского совещания в селе Мальцево, эти методы будут проверяться и в других местах Советского Союза: на Украине, в Казахстане, на Алтае, в Прибалтике.

Тысячи людей собираются в павильоне «Урал» на сельскохозяйственной выставке в Москве.

У стендов, посвященных работам Терентия Семеновича Мальцева, агрономы и колхозники, студенты и научные работники учатся не только новым методам обработки почвы, они учатся внимательно прислушиваться к потребностям растений, смело мыслить, безбоязненно разрушая старое и утверждая все свежее, передовое.

* * *

Не сразу добился Терентий Семенович Мальцев такого всенародного признания. Были годы, когда ему приходилось спорить и с руководителями района и с агрономами, которые никак не хотели допустить того, что шло в разрез с привычными старыми приемами.

Но Мальцев был тверд и настойчив, и заслуженное признание пришло к нему. Оно — результат самозабвенного труда, большой любви к избранному жизненному пути.

И пусть те из вас, ребята, которые мечтают о подвигах, о славе, о геройстве, помнят, что в любом деле можно проявить героизм! Надо только очень любить свою работу и очень хотеть быть полезным народу.

КОЛХОЗНЫЕ РЕБЯТА

Е. Ружанский *Рисунки Н. Крижановской*

Хороши дела в колхозе!
Дружных шестеро ребят
В марте,
чуть сойдут морозы,
О работе говорят:

— Соберем свою бригаду,
Скоро выглянет земля,
Нам возить, ребята, надо
Удобренья на поля...

Хорошо ребятам летом:
На реке коней купать,

На рыбалке быть с рассвета,
На лужайке загорать.

То лекарственные травы,
То малину соберут;
Клевер косят все на славу,
От больших не отстают...

За комбайном вслед, как надо —
И проворны и ловки —
Пионерские бригады
Собирают колоски.

Стало празднично в колхозе:
Хлеб засыпан в закрома!
Хороша в колхозе осень,
Но не хуже и зима.

Новый год настанет скоро.
Где вы, санки да коньки?
Понесутся дети с горок
Вдоль покрытой льдом реки!

МОИ БЕЛКИ

И. Боргунов **Рисунки И. Колмогорцевой**

Автор рассказа «Мои белки», Иван Петрович Боргунов,— артист цирка. Многие из вас, ребята, видели его выступления на манеже Свердловского цирка.

В его большой, дружной семье — ловкие, маленькие белочки, огромный красавец-лось, серебристо-черные и рыжие лисицы, пушистые сибирские кошки, кролики, орлы и собаки.

Из рассказа «Мои белки» вы узнаете, как Иван Петрович Боргунов начинал трудную и интересную работу дрессировщика.

Белча и Мальчик

Все началось с двух маленьких совершенно беспомощных бельчат. Их принесли в Новосибирский зоопарк юннаты. Мать-белку ребята поймать не сумели, а малышей достали из гнезда.

Я и моя жена Клавдия Безано работали в то время в Новосибирском цирке. Мы исполняли акробатический номер. Но

уже давно хотелось нам создать что-нибудь новое, интересное, чего до нас в цирке еще никто не показывал. Мы перебрали в памяти много жанров циркового искусства и решили остановиться на дрессировке животных. Зрители цирка видели на манеже лошадей и собачек, львов и тигров, слонов и леопардов... А нам хотелось вывести на манеж таких зверей, которых еще никто в цирке не видел.

А что, если попробовать дрессировать белок? Белка — ловкий, подвижный зверек. Она легко перепрыгивает с ветки на ветку и забавно карабкается вверх по стволу. Белка — лесной гимнаст. Выступление ее в цирке должно быть, думали мы, очень интересным.

Товарищи по цирку, с которыми мы советовались, подтвердили, что дрессированных белок еще никто не видел. Но тут же добавляли, что вряд ли наш замысел удастся: зверек маленький, он будет плохо виден зрителям. Кроме того, белка живет недолго, а это значит, что больше придется репетировать с новыми белками, чем выступать.

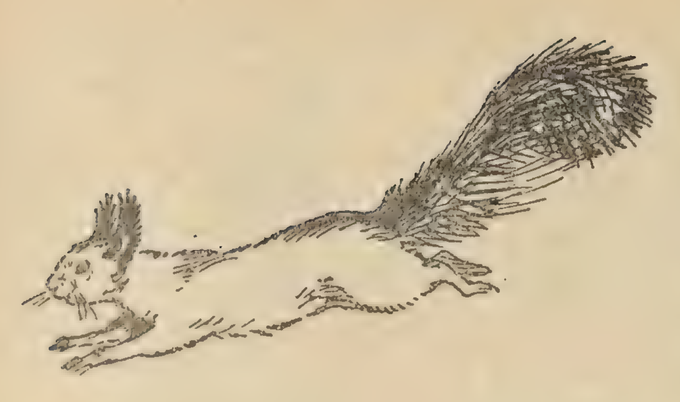
Но все эти разговоры нас не убедили. Мы с Клавдией Безано твердо решили начать работу над новым номером. Нам уже представлялось: стоят на манеже елки, мы выходим в костюмах охотников, и послушные нам белочки прыгают с ветки на ветку, слетают к нам на плечи, проделывают десятки занимательных трюков. Белок мы рассчитывали достать в зооцентре или в зверинцах.

Тут нас ждало первое разочарование. Ни зооцентр, ни зверинцы ничем нам помочь не могли: молодых белок у них не было, так как белки в неволе не дают приплода. А для дрессировки нам обязательно нужны были молодые зверьки.

Вот почему с таким волнением смотрели мы в Новосибирском зоопарке на малышей-бельчат, принесенных юннатами. Были они маленькие, жалкие, только-только покрывшиеся коротеньким мехом.

«Брать или не брать?» — думали мы.

Я боялся, что малышей сохранить не удастся, что они погибнут. Очень уж бельчата были беспомощные. Но жена взялась вырастить зверьков. С большими предосторожностями мы перевезли их к себе домой.

Сразу же возник вопрос, как кормить Белчу и Мальчика — так мы назвали наших питомцев. Сами они еще не умели ни есть, ни пить, а из опытов кормить их через соску ничего не получалось. Приходилось разжевывать пищу. Бельчата жили в нашей комнате, где мы устроили им гнездо в плетеной корзине. Через два дня бельчата стали кое-как ползать по комнате. Но прошло еще три дня, и от них не стало спасения. Белки весь день рыжими метеорами носились по комнате, и только к вечеру можно было немного от них отдохнуть.

Завидят малыши, что в комнату зашел человек, моментально вскакивают к нему на плечо и начинают обнюхивать уши. А потом принимаются скакать, играть друг с другом, царапая все своими острыми коготками.

Играя и развлекаясь, Белча и Мальчик проделывали презабавные трюки. Мы с женой подолгу следили за тем, как легко белочки перепрыгивают с места на место, как они, забавно перебирая лапками, подымаются вверх по какому-либо предмету. Поведение наших питомцев убеждало в том, что номер «Дрессированные белки» должен получиться.

Но двух белок было мало: для номера надо было их иметь не меньше десятка. Ведь белка — зверек маленький. Если вывести на большую цирковую арену двух-трех зверьков, они совсем потеряются в громадном пространстве цирка. И я решил поэтому отправиться на ловлю белок.

Юные охотники

Легко сказать — отправиться на ловлю белок! Будь я краеведом или хотя бы охотником-любителем, все было бы куда проще. Но я — артист цирка, разъезжающий по всей стране. Я плохо знал Новосибирскую область, даже не представлял себе, куда надо отправляться за белками.

Поэтому я стал искать знакомства с охотниками, с краеведами, хорошо знающими здешние места. И, разумеется, местные жители охотно пришли мне на помощь.

Охотники сообщили мне, что недалеко от местечка Дубровичи, в восьмидесяти километрах от Новосибирска, вниз по Оби, появилось много белок. Я немедленно отправился туда.

Ни на минуту не сомневался я в том, что белок наловлю, и потому захватил с собой две большие клетки из фанеры.

Видно, сообщение охотников запоздало, потому что никаких белок около Дубровичей не оказалось.

Первая неудача не охладила меня.

По совету одного из научных сотрудников западно-сибирской охотничьей станции я выехал в местечко Эликмонар. Находится оно в алтайской тайге.

Первое, что я сделал в Эликмонаре,— это собрал школьников и рассказал им о цели своего приезда, о задуманном мной номере. Среди собравшихся оказалось много юных натуралистов, прирожденных алтайских охотников. Помогать мне вызвалось больше двадцати ребят. Первый выход в лес позволил отобрать из них самых ловких и смелых. Всего подобралась небольшая группа в пять человек.

Самыми способными охотниками оказались четырнадцатилетний Миша и двенадцатилетний Леня. Леня замечательно лазил по деревьям. Кроме того, он был на редкость наблюдателен.

И Леня и Миша были настоящими натуралистами. У Лени дома в клетках сидели мелкие зверьки, с которыми он любил возиться в свободное время. Миша легко ориентировался в лесу, находил следы зверей и птиц. Свободно чувствовали себя в тайге и другие ребята.

По совету охотников, мы решили попробовать ловить белок сетью.

Достали большую рыбачью сеть длиною метров в двадцать пять. Сеть натягивали, а потом гнали в ее сторону белку. Но белку не так-то просто обмануть — она ловко выбиралась из окружения и убегала по вершинам деревьев. Зато нам пришлось добрую половину дня распутывать сеть.

Мы перепробовали много разных способов ловли. В конце концов я убедился, что белок в условиях сибирского густолесья лучше всего ловить... просто на удочку. Правда, удочка не обычная, а с привязанной к ней петлей.

Вот как мы ловили белок. Из конского волоса свивалась петля сечением в два-три миллиметра. Эта петля крепилась к удочке длиною в два с половиной метра. Петля должна легко затягиваться.

Обнаружив белку, мы ее не пугали, а только шли за ней, пока она скакала по деревьям. Рано или поздно она попадала на дерево, ветви которого не соприкасались с другими деревьями. Тогда ребята взбирались на окружающие деревья. Они добирались до той высоты, на которой сидела белка, и начинали раскачивать ветви, чтобы помешать ей прыгнуть дальше. В это время я, стараясь не шуметь, лез вверх по дереву к белке, держа в руке удочку, направленную петлей кверху. Легкий шорох, производимый мной, белку не пугал, так как ее внимание отвлекали ребята.

Поднявшись на необходимую высоту, я медленно подводил петлю к носику белки. Когда перед носом белки появляется петля, она от неожиданности замирает на одну-две секунды. В этот миг я закидывал петлю на шею белки и подымал удочку вверх. Белка взвизгивала, но было уже поздно — она попалась.

Петля не вредила белке.

Разумеется, я не сразу научился ловко владеть петлей. Сначала я тренировался дома, учился затягивать петлю на мелких предметах и лишь потом рискнул выйти в лес.

В первый же день мы увидели, что новый способ оправдывает себя — нами был пойман рыжий зверек, которого я назвал Рыжоха. На второй день мы поймали белку с черной шерсткой. Она получила кличку Цыган.

Чтобы удобнее было везти белок, я сделал две большие клетки длиной в метр и разделил их на пять отделений. В каждой клетке была мягкая подстилка.

За двенадцать дней мы наловили десять алтайских белок. Три было рыжих, три черных, три темнорыжих, а одна пестрая, с рыжим туловищем и черными хвостом, ушами и лапками.

До Новосибирска я довез только семь белок. Одна погибла из-за того, что отказалась принимать пищу. Другую один из мальчиков неосторожно облил водой, и она умерла. Третья убежала в дороге.

Когда белки были усажены в клетки, я тепло попрощался со своими юными друзьями. Никогда не забуду я алтайских пионеров — моих помощников. В честь этой охоты, в память об Алтае, я выступаю всегда в костюме алтайского охотника.

Белки переезжают

Попав в клетку, белки вели себя по-разному. Большинство забивалось в глубь клетки, прижимаясь к задней стенке. В первый день эти белки даже не подходили к решетке, где были насыпаны кедровые орехи, налита в чашечку вода, положена морковка. На второй день они робко подходили, грызли по нескольку орехов и опять забивались в глубь клетки.

Некоторые белки (очевидно, мы поймали их голодными) осваивались быстро. Уже через несколько часов они грызли орехи, пили воду. Самая смелая белка, как только ее пустили в клетку, быстро повернулась и яростно набросилась на решетку захлопнувшейся за ней дверцы. Она ожесточенно грызла и царапала решетку, пока не повредила себе лапку. Тогда эта белка повернулась к решетке спиной и сердито принялась за орехи.

Была и такая белка, которая трое суток сидела, забившись в угол клетки. За это время она не притронулась ни к воде, ни к корму. На третий день она умерла от истощения. Вот какая трусливая была белка.

На обратном пути я остановился в городе Горно-Алтайске. Ехали мы на автомашине, а клетки с белками стояли на самом верху какого-то груза.

Смелая белка, та самая, которая из-за своей храбрости повредила себе лапку о решетку, начала грызть клетку. Это было вечером, и я боялся, что за ночь она прогрызет клетку и убежит. Тогда я пропустил через решетку палочку и стал ей мешать. Но только я убирал палочку, белка принималась за клетку. Тогда я просунул палочку наполовину. Белка переста-

ла грызть клетку и стала наблюдать за палочкой. В таком положении я ее и оставил. Утром, когда я пришел, белка все еще смотрела на палочку, сидя в том же положении, видимо, ждала — что же палочка будет делать.

Последнюю белку я поймал перед самым отъездом из Эликмонара, и эта белка до самого Бийска (а дорога до него заняла три дня) не съела ни одного ореха. Одна белка уже умерла от истощения, и терять вторую мне не хотелось. У меня нашелся кусочек шоколада. Я размочил его в воде — получилась густая кашица, которую я положил в кормушку. Но даже шоколада белка есть не стала — к кормушке она так и не подошла. Тогда я намочил конец соломинки в шоколадной каше и смазал белке губы. Шоколад остался на губах. Белка не выдержала и облизала его. Я повторил опыт. Белка опять слизала шоколад — ей понравилось. Потом, осмелев, белка стала лизать соломинку. Я медленно двигал соломинку по направлению к кормушке. Следуя за соломинкой, белка добралась до корма и съела весь шоколад. А уже через день белка отбросила свой страх и охотно ела орехи.

Белки дома

В Новосибирске я поставил клетки с белками в своей комнате. Я натянул на окна марлю, а затем, приоткрыв все дверцы, выпустил белок. Вначале они боялись выходить, а потом вдруг стрелой вылетали из клеток и со страхом метались по комнате, бросались в окна. Наконец, белки убедились, что из комнаты выхода нет. Тогда они начали осматривать все предметы и осмелели до того, что стали задирать друг друга. Только одна из белок вела себя совершенно спокойно, к ней можно было подойти близко. Все остальные при самом легком моем движении начинали метаться по комнате.

Обратно в клетку я собирал белок сачком. На это ушло несколько часов, потому что и в комнате поймать белок не так-то просто.

Каждый день белки гуляли по комнате. Все они старались устроиться на предметах, освещенных неярким сентябрьским солнцем. Постепенно белки начали менять окраску. Сначала

на спинке появилась серая полоска. С каждым днем она становилась все шире, захватывая туловище. Хвосты белок делались все пышнее, пушистей.

Белки уже не боялись выходить из клеток, они привыкли к обстановке. Но вот ловить их и сажать обратно в клетки было попрежнему трудно. После прогулки белкам не хотелось возвращаться в тесные клетушки. В знак протеста все они начинали грызть клетки.

Самая спокойная белка — ее я назвал Смирный — за ночь разгрызла клетку. Оказавшись на свободе, Смирный разодрал на окне марлю, всю подстилку из клетки перетащил на подоконник и устроил себе там гнездо. Обратно в клетку я его переводить не стал: Смирный не пытался никуда убегать и других белок к окну, где было его гнездо, не допускал. Но кушать он бегал в свою старую клетку, которую я держал открытой. Бывали дни, когда Смирный, собрав свою подстилку, переселялся обратно в клетку и жил там несколько дней. Но, если я пытался закрыть дверцу, Смирный волновался, грыз клетку. Приходилось уступать ему: держать клетку открытой.

Мы едем в Барнаул

Цирковые артисты на одном месте долго не живут. После Новосибирска мне надо было ехать на гастроли в Барнаул — центр Алтайского края. В день переезда я вынес клетки на улицу. Там белки пробыли довольно долго. Холод повлиял на них, и мои белки приняли окончательно «зимнюю» форму. Все туловище белок стало сероватого оттенка, на ушах появились меховые кисточки, хвосты сильно распушились, так что белки стали казаться крупнее.

Самим белкам их зимнее одеяние очень нравилось. Они часами ухаживали за своими хвостами. Захватят хвост передними лапками и начинают его приглаживать, пушить. Когда, на их взгляд, хвост уже достаточно причесан, они приглажи-

вают кисточки, умывают мордочку. Надо сказать, что белка вообще очень чистоплотный зверек. После еды белки обычно вытирают мордочку о какой-нибудь чистый предмет, тщательно облизывают лапки.

В Барнауле я опять поместил белок в одной комнате с собой. Только на этот раз попросил хозяев убрать всю лишнюю обстановку. Вечером я выпустил белок из клеток. Они с недоверием и любопытством стали оглядывать комнату. Ловить их сачком в этот день не пришлось, так как белки, не доверяя новой обстановке, очень скоро разбежались по своим клеткам. Они устали от дороги, от шума и быстро уснули.

Спят белки очень интересно. На свободе они забираются куда-нибудь повыше, садятся на задние лапки, передние скрещивают на груди и засыпают в таком положении.

В клетке белка ложится на бок, чаще всего на правый, причем устраивается так, чтобы головка была приподнята, как на подушке. Когда белке жарко, она спит на спине, откинув голову набок и поджав лапки к груди.

Я убедился в том, что белкам, как и нам, снятся сны. Я наблюдал как-то за спящей белкой. Она ровно дышала, приоткрыв рот. Вдруг ее резцы быстро заработали, как будто она грызла что-нибудь. В то же время белка заворчала, словно боялась, что у нее отнимут лакомый кусочек.

Рано утром белки принялись грызть клетки. Они явно просились на свободу. Я выпустил их, не закрывая окон марлей, так как уже настала зима и были вставлены вторые рамы. В большой, не загроможденной мебелью комнате белки резвились, прыгали по стенкам. Они были очень рады, что их не сажают обратно в клетки.

Я решил на весь день предоставить им свободу, чтобы проверить, знают ли они свои клетки. Корм для белок — манная крупа, сушеные грибы, морковь, орехи — был разложен на столе. Там же стояло молоко. Играя и бегая по комнате, белки то и дело подбегали к столу, съедали что-нибудь и опять шли играть. Одни чаще подходили к молоку, другие — к манной крупе, но больше всего белок влекли к себе сушеные грибы и орехи.

К вечеру белки стали собираться в клетки. Некоторые за день подружились и заняли вдвоем одну клетку.

Проснулись белки поздно ночью. Они, видимо, позабыли о своей вчерашней дружбе. Некоторые пары подрались между собой. Пришлось рассаживать их.

Через несколько дней я принес белкам новые клетки. Теперь каждая белка имела свой домик с двумя отделениями. В первом находилась кормушка — это была столовая. Второе отделение служило спальней. Между отделениями была перегородка с круглым отверстием диаметром в шестьдесят миллиметров. Это отверстие напоминало белкам вход в гнездо. Новые клетки очень понравились моим питомцам. Они начали лазить по всем отделениям, выбирая себе местечко получше. Особенно нравилась белкам мягкая подстилка из ваты. Они пушили ее лапками и зубами, кутались в нее.

На ночь белки устраивались в спальне. Ватой, взятой из подстилки, они тщательно затыкали вход.

Белки очень тонко чувствуют перемену погоды. Перед сильным морозом они начинают воровать друг у друга вату. Делают они это презабавно: набирают в рот ком ваты, аккуратно округляют его передними лапками, чтобы не растерять по дороге, и тащат к себе в норку. Это продолжается до тех пор, пока сильные белки не заберут всю вату у более слабых. Пришлось тем добавлять ваты, так как они, бедные, укладывались спать на голом полу.

Новые друзья

К зиме у белок установился определенный распорядок дня. Они вставали в семь-восемь часов утра и несколько часов проводили в беспрерывной беготне по комнате, отдыхая только во время кормежки. Питались они очень часто — раза два-три в час. К двенадцати часам их движения становились вялыми. Белки размещались группами и поодиночке в разных углах комнаты, стараясь забраться как можно выше, и засыпали. Спали они, сидя на задних лапках и накрыв спину пушистым хвостом. Часа в два дня белки просыпались и снова начинали бегать по комнате, но энергии их хватало ненадолго.

В пятом часу они уже забирались в клетки и устраивались на ночь.

В противоположность всем, Смирный вел иной образ жизни. Днем он не гулял с остальными белками, а выходил из клетки только поздно вечером. Прежде всего он обходил комнату и рассматривал ее, как бы определяя, что изменилось в ней за прошедший день.

Убедившись, что все на своем месте, Смирный принимался играть с бумажкой или еще с чем-нибудь, как котенок. Очень любил Смирный такое развлечение: я брал веревочку и подносил ее к мордочке Смирного, а потом отдергивал. Белка ловила веревочку лапками и, вцепившись когтями, раскачивалась на ней.

В ноябре я принес из зверинца еще двух белок, которых мы назвали Цветок и Светлана. Им шел третий год, они бельчатами были принесены в зверинец и два с лишним года прожили в клетке. Клетка, хотя и большая, достаточного простора для движения не давала. Это отразилось на физическом развитии Цветка и Светланы. Они совершенно не умели прыгать, а когти их были недостаточно цепки, чтобы проворно лазить.

Мои белки встретили гостей недружелюбно, все время нападали на них. А Цветок и Светлана не могли ни защититься, ни убежать от своих мучителей. Пришлось вмешаться мне. Я отогнал всех белок, а Светлану с Цветком посадил в одну большую клетку с металлической сеткой, оставив дверцу открытой. Я думал, что хозяева и гости постепенно сдружатся. Корм я насыпал внутри клетки, около дверцы. В первый день сближение не состоялось. На другой день две белки зашли в клетку к новичкам и забрали у них весь корм, а напуганные Цветок и Светлана только дрожали от страха. И сколько бы я ни сыпал им орехов, другие белки немедленно отбирали их, причем есть грабители не хотели, а прятали орехи по разным укромным уголкам.

Несколько дней Цветок и Светлана не решались выйти из клетки. Однажды Светлана, которая была посмелей братца, выбежала, но у нее был такой испуганный вид, что все белки бросились на нее, и белка Хрума откусила ей кончик хвоста. Светланка пискнула и юркнула в клетку.

С этих пор Цветок и Светлана выходили гулять только тогда, когда все белки спали. Тут они познакомились с Белчей, которая после смерти Мальчика жила одна и тоже боялась озорных белок. Вскоре к этой компании присоединился и Смирный, и они играли вчетвером.

В декабре белки выглядели особенно красиво. Они были так упитаны, что походили на меховые шарики. Их шелковистый мех красиво блестел.

Чувствуя наступление зимы, белки начали прятать орехи, делать запасы на зиму. В самых неожиданных местах я находил орехи и грибы. Хрума, например, припрятала под печкой несколько килограммов орехов. Иногда я обнаруживал у себя на кровати под подушкой или под одеялом беличий продуктовый склад.

Мы знакомимся ближе

Я хорошо кормил своих белок, и они становились все сильнее и бодрее. Белки расстались со своей привычкой отдыхать в середине дня. Теперь у них хватало энергии с семи часов утра до пяти-семи часов вечера находиться в непрерывном движении.

Я обратил внимание на огромную физическую силу белок. В комнате над окном висел на веревочных петлях карниз. Белкам очень нравилось сидеть на нем. Но так как они все и везде грызли, то скоро оказались перегрызенными и веревочные петли. Карниз свалился на стол. Но здесь он мешал Хруме. По столу она все время перебегала от одного окна к другому. Сейчас ей пришлось перепрыгивать через карниз, и Хруме эта дополнительная работа пришлась не по вкусу. Тогда она взяла зубами один конец карниза, который весил во много раз больше, чем она сама, и подтянула его к краю стола, потом подошла к центру карниза и носом столкнула его на пол. Путь снова был свободен.

Я жил в одной комнате со своими питомцами, и это оказалось очень полезным. Белки постоянно находились на моих глазах, я мог изучить характер, вкусы, любимые занятия, образ жизни каждой из них. Белки тоже привыкли ко мне, перестали дичиться. Они уже не убегали от меня, как это случа-

лось раньше, а, наоборот, прыгали на плечо, носились по мне, догоняя друг друга.

Бывало, я занимался чем-нибудь и не обращал внимания на их игру. Некоторых белок это обижало, и они, проказничая, кусали меня, правда, очень легко, не причиняя боли, но я их и за это ругал. Начнешь выговаривать белке, она отбежит в сторону, взволнованно цокает и нервно машет хвостом. Но стоит прекратить нотации, как белка опять прыгает ко мне на плечо и продолжает свои забавы.

С каждым днем белки становились все более ручными. Они уже ели из рук, но сами в руки не давались. Белка может прыгнуть на ладонь, но накрыть ее второй не успеешь — убежит.

Чем больше привыкали ко мне белки, тем труднее становилось жить с ними вместе. Первый «привет» я получал от них на рассвете. Я еще сплю, а одна из проказниц прыгает на меня.

Все, что я приносил в комнату, обрабатывалось острыми зубами моих питомцев. Следы их но-

сили все вещи. Из четырех ножек стола фактически осталось только три: четвертую мои воспитанники основательно укоротили. Чувствуя себя хозяевами комнаты, белки беспощадно расправлялись со всеми предметами, привлекавшими их внимание.

Если я принимался за какую-нибудь работу, хвостатые озорники старались утащить у меня из-под рук инструменты, письменные принадлежности, бумагу. Приходилось гоняться за ними по комнате, отбирать украденное, а это доставляло белкам огромное удовольствие.

Ко мне приходили товарищи. Снимет товарищ пальто, повесит на вешалку. Пока мы беседуем, белки раздерут подкладку пальто, залезут под нее и устроятся отдыхать. Приходилось всегда проверять уходящих гостей — не осталось ли у них в пальто притаившейся белки, не превратила ли одна из белок карманы в продуктовый склад. Иногда из карманов приятелей я пригоршнями извлекал орехи и сушеные грибы.

Белки играют

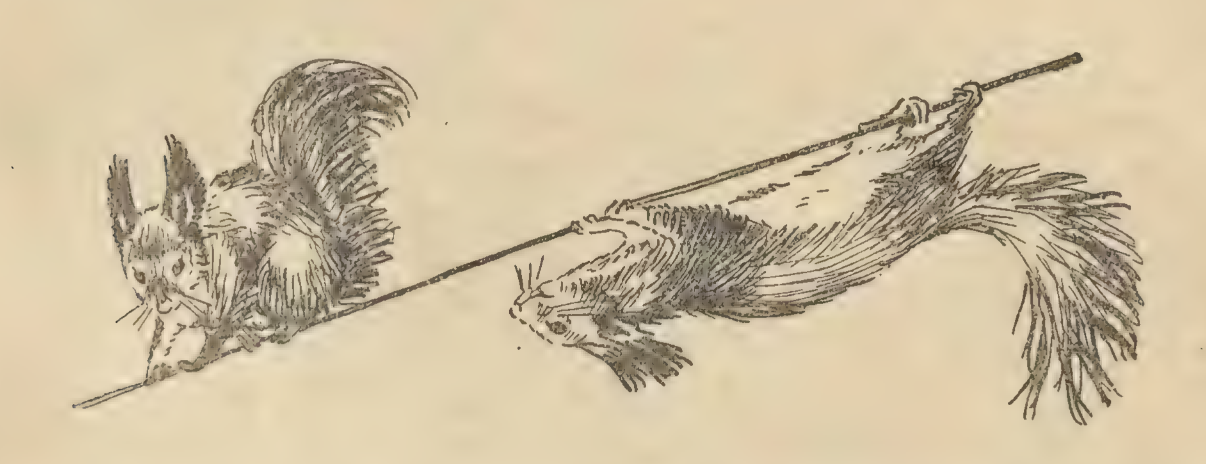
Изучение быта и нравов белок не было моей основной целью. Я — не ученый, не зоолог. Но, не зная беличьих повадок, я никогда не смог бы приступить к дрессировке моих питомцев.

Когда мне показалось, что я достаточно узнал привычки белок, я принялся за работу. Я считал, что для начала надо заставить белок играть на различных предметах, а уже потом отобрать наиболее интересные игры и составить из них цирковой номер. Вскоре моя комната пополнилась новой «мебелью» — это был опытный реквизит, так называются те предметы, на которых белки должны были выполнять свои упражнения. Я принес колеса, в которых белки любят бегать, большую катушку двадцати сантиметров в диаметре и двадцати пяти сантиметров длиной, маленькую лесенку-стремянку. В комнате установил доску вроде трамплина. Пробежав по ней, белка должна была прыгать на стол. Под потолком я натянул веревку — по ней белки могли перебираться с одного конца комнаты на другой.

Хрума обычно проводила время на подоконнике, из стороны в сторону покачиваясь и глядя в окно. Я решил использовать

эту ее привычку и поставил на подоконник качели с двумя сиденьями. План у меня был такой: две белки усядутся на сиденья, а Хрума, сидя посредине, будет их раскачивать.

Новую обстановку белки рассматривали с интересом, обнюхивали и, разумеется, пробовали на зуб. Без этого они никогда не могли обойтись. Зверюшки забирались на катушку и, когда та от их движений начинала катиться, спрыгивали с нее. Весь реквизит я оставил на несколько дней на произвол моих питомцев.

Очень скоро все оборудование приняло изрядно потрепанный вид, так как новые деревянные предметы белки грызли с большим удовольствием.

Очень понравилась белкам веревка. Они быстро перебирались из одного угла комнаты в другой.

Качели мешали Хруме. Она нервно бегала по ним, стуча то одним, то другим концом о подоконник. Стук этот продолжался по несколько часов. Цыгану пришлось не по душе Хрумино занятие, и он, подкравшись, задал ей изрядную трепку. Но как только Цыган отошел, Хрума опять подняла стук. За это ей вновь попало. Это продолжалось до тех пор, пока не сдали мои нервы. Я убрал качели, что очень обрадовало Хруму. Она снова бойко запрыгала по подоконнику.

Больше других белок заинтересовался колесами Цыган. Колеса стояли посреди комнаты. Они были укреплены на палке, служившей им осью. Цыган был смелее своих товарищей, и его не пугало, что колесо провертывается, когда на него залезаешь.

Проследив однажды, как Цыган влез внутрь колеса, я прикрыл его с боков. Белке оставалось только убегать вперед по движению колеса. Убегая, Цыган лапками передвигал планки колеса. Постепенно колесо вертелось все быстрее и быстрее. Я выпустил Цыгана, но через несколько минут любопытство притянуло его обратно. Дальше Цыган учился бегать в колесе сам. Через несколько дней он вращал колесо с такой скоростью, что все планки сливались перед глазами. Бег в колесе стал для Цыгана излюбленным занятием.

Скоро стала забираться в колесо и энергичная белка Рыжоха. Она в несколько дней освоилась с новым развлечением и вращала колесо так же быстро, как Цыган.

Через две недели бег в колесе освоили пять белок, а колес было только три. Белки с боем пробивались к ним, чтобы хоть немного побегать. Колеса вертелись безостановочно с утра до вечера. Колеса были изготовлены для пробы, не особенно прочно. Непрерывного движения они не выдержали и поломались. А белки мои загрустили. Пропала их резвость, они забирались куда-нибудь повыше и там дремали. Пришлось изготовить новые колеса. Когда я их устанавливал, зверьки даже не давали закрепить палки-оси: полные нетерпения, они лезли в колеса и начинали их крутить.

Дрессировка

Не все белки увлекались колесами. Некоторые зверьки ими совершенно не интересовались. Но и те, которым очень нравился бег в колесе, относились к этому занятию лишь как к развлечению. Стоило только умышленно заставить белку выполнять этот трюк — она пыталась вырваться, убежать из колеса. Я понял, что на одной игре белок циркового представления не создашь. Надо приучить зверьков к дисциплине, к повиновению.

Но это оказалось очень трудно. Белка — зверек самовольный, настойчивый, не в ее характере подчиняться. Пробовал я привлечь белку к исполнению трюка лакомой приманкой. В первый момент белка потянулась за жареным кедровым орехом, с удовольствием съела его. Но в другой раз, когда я ей не

сразу дал лакомство, обиженно отвернулась и уже больше на приманку не шла. Пробовал я подгонять белку рукой, она убегала.

Пришлось взять ее на поводок. Сам поводок был сплетен из ниток, а на конце имел сбруйку из тоненьких ремешков. Одеть сбруйку на белку очень сложно. Белка вырывается, нервничает, кусается.

Чтобы во время своих яростных прыжков белка не ударилась, пришлось постелить на пол мягкий матрасик. Сначала одевали поводок на очень короткое время — пусть зверьки привыкают постепенно.

В конце концов, белки — одни раньше, другие позже, в зависимости от характера — привыкли к поводку. Но стоило потянуть поводок, чтобы заставить белку исполнять трюк, как она начинала яростно сопротивляться. Пришлось задуматься: чем же можно подогнать белку?

Я вспомнил, что белки не строят гнезд на ветру. В ветреную погоду белка редко выходит из гнезда. Эта особенность белок навела меня на мысль, что они не любят ветра и боятся его. «Вот что надо использовать для дрессировки»,— решил я.

Так и сделал. Если белка уклонялась от исполнения номера, я дул ей на самое чувствительное место — на хвост. Белка озирается, старается уйти от неприятного для нее ощущения. Таким образом можно направить ее в ту сторону, куда нужно дрессировщику. Через некоторое время белки начинают хорошо понимать, чего от них требует дрессировщик.

Большое значение имеет во время репетиции разговор с белкой. С белками смелыми и настойчивыми надо разговаривать резко, повелительным тоном. С более робкими лучше разговаривать ласково, не повышая тона, поминутно похваливая хвостатую исполнительницу. При таком обращении робкие белки сами стараются угодить.

Смелые белки лучше исполняют те трюки, где требуется больше движения — бег, лазанье по шестам. Робкие белки, наоборот, любят трюки, при которых надо все время быть вблизи дрессировщика. Они ходят на задних лапках по лестнице-стремянке, катают катушку на приподнятом от пола желобе. Стоит белке испугаться — она прыгнет к дрессировщику, просит у

него защиты. А если ее не приласкать — обижается, даже сердится.

Однажды репетировали с белкой Цветок — ее учили катать катушку по столу. В это время по столу пробежал забияка Цыган, который всегда обижал Цветка. Цветок испугался и прыгнул на плечо к дрессировщице Безано. Та не обратила внимания на испуг Цветка и вновь посадила его на катушку. Как на зло, Цыган опять прыгнул на стол. Испуганный и обиженный Цветок бросился обратно к Безано и вцепился зубами в ее плечо.

Идет репетиция

Наши репетиции стали принимать все более и более законченные формы. Уже были распределены роли для каждой белки.

Белки во время репетиций сидели уже не в клетках, а в маленьких вольерчиках. Вольерчики имели форму конуса и были сделаны из металлической сетки. Все вольерчики расставлялись на том же столе, где шла репетиция. По мере надобности я выпускал белок из-под колпачков.

Сначала вольерчики белкам не понравились. Пока одни выполняли свои трюки, другие бесновались под колпачками. Спустя несколько дней белки смирились и спокойно наблюдали за работой своих товарищей.

Я стал проводить репетиции два раза в день — утром и вечером. Сделал это умышленно, чтобы приучить белок не спать вечером: ведь в цирке им придется работать по вечерам. И я проводил вторую репетицию как можно позже.

Больше пользы было от утренних репетиций. Утром белка подвижна, жизнерадостна. Она легко понимает, чего требует от нее дрессировщик.

Вечером белки робеют, озираются по сторонам. Они думают не о том, как выполнить трюк, а о том, как бы поскорее убраться в клетку. Воспользовавшись этим стремлением белок, я приучил их самих после исполнения номера уходить в вольерчик. Белкам было все равно, куда идти, лишь бы их больше не беспокоили. Самостоятельный уход белки в вольерчик был большим достижением.

Белки уже хорошо знали не только свои трюки, но и весь порядок представления. Когда одни заканчивали работу, другие уже начинали рваться из вольерчиков, зная, что сейчас придет их очередь выступать. Двойные репетиции вдвое сократили сроки подготовки номера. Лабораторная работа над представлением была закончена. Белки в комнате выполняли все, что от них требовалось.

«Как они будут вести себя в цирке?..— думал я.— Ведь знатоки утверждают, что в большом помещении, под куполом, белки работать не будут».

Впервые на манеже

Переход от комнатных репетиций к настоящим цирковым меня пугал. Я боялся, что новая обстановка собьет белок с толку и все мои труды пропадут даром. Я все откладывал и откладывал тот день, когда должен был принести белок в цирк.

Для начала я взял самую смирную — Белчу. Посадил в маленькую клеточку и принес в цирк. Здесь я надел на белку сбруйку, взял в руку поводок и, держа на поводке, вывел на арену. Дома, в комнате, Белча была медлительнее своих таежных товарищей, а здесь стала носиться с такой быстротой, как будто ей приделали крылья. За ее прыжками даже трудно было уследить. Набегавшись вдоволь, Белча прижалась к барьеру и, дико озираясь, распушила хвост. Я пытался подойти к ней, но она опять принялась со страхом гоняться по арене.

«И это самая ручная белка,— думал я.— Что же будут делать остальные?»

Неудача с Белчей расстроила меня. Я решил скорее проверить, на что способны мои белки, и принес их в цирк всех. Сначала я выносил их на арену по одной в вольерчиках и заставлял исполнять знакомые трюки. Одни белки, взволнованные простором цирка, хотя и плохо, но исполняли свою работу. Другие же совершенно дичали, от страха бросались, куда глаза глядят, и только поводок не давал им убежать. Убедившись, что сопротивляться бесполезно, белка исполняла свой трюк и спешила обратно в вольерчик, где чувствовала себя в безопасности.

На следующей репетиции я поставил на стол все вольерчики с белками. Мои питомцы видели друг друга. Это их успокаивало, и они исполняли свои трюки, как в комнате. Мне стало ясно, что «знатоки» ошиблись и номер с белками получится.

Утренние репетиции я проводил дома, в комнате, вечерние — в цирке. Надо было приучить белок еще к музыкальному сопровождению. Я принес домой патефон и во время репетиции заводил его. Белки не боялись музыки, но были недовольны и сердито размахивали хвостами. Впрочем, к музыке, как и ко всем нововведениям, мои питомцы привыкли быстро.

Меня интересовало, как зритель примет номер. Поэтому я старался репетировать в цирке, когда собиралось побольше товарищей по работе. Это было полезно и для белок, которые таким образом постепенно привыкали к публике. Мои товарищи, цирковые артисты, хвалили номер, но я им не особенно доверял. Эти люди видели, сколько было затрачено трудов, и могли переоценить достижения моих питомцев.

Однажды во время репетиции дома я увидел, что за окном толпятся ребята. Они шли после занятий из школы, кто-то увидел репетицию, и толпа школьников собралась у моего окна. Ребята отталкивали друг друга, каждому хотелось разглядеть, что делают белки.

«Вот кого заинтересует моя работа,— подумал я,— вот наш зритель».

К апрелю вся техническая часть номера была закончена. Но, чтобы показать номер зрителю, его надо было художественно оформить, то есть все мои грубые деревянные приспособления заменить изящными, красивыми.

В это время мы были вызваны на гастроли в Горьковский цирк.

В Горьковском цирке

До Горького мы ехали долго. Перерыв в репетициях составил около месяца. Я, признаться, беспокоился: а помнят ли мои питомцы все то, что усвоили в Барнауле?

Расставив на арене примитивное оборудование, я начал репетиции в новой обстановке. Летнее здание цирка продувал легкий ветерок, который волновал белок. Беспокоило их и широкое, открывшееся перед ними пространство.

Когда я вывел белок репетировать, они прежде всего обратили внимание на знакомое оборудование — лесенку, катушку и колеса. На знакомых предметах белки быстро, без принуждения исполнили свои трюки. Но все же во время репетиции они то и дело недоверчиво озирались. Особенно беспокоил белок ветерок. Поэтому они работали очень быстро, а исполнив трюк, бросались в вольерчик, где, по их мнению, им ничто не грозило.

После двух-трех репетиций белки привыкли к новой обстановке, освоились. Ветерок даже принес пользу, так как, спеша вернуться в спасительный вольерчик, белки выполняли свою работу четко и динамично. Это придало больше эффекта номеру.

Артистам, которые присутствовали на репетициях, номер нравился. Оставалось еще самое ответственное испытание — отчитаться перед самым строгим критиком — зрителем.

Для доработки номера ко мне прикрепили Заслуженного артиста республики Б. А. Шахета. Он сразу заметил ряд недостатков, которые мне, как непосредственному участнику номера, не были видны. Совершенно изменил Б. А. Шахет и внешнее оформление номера. Мне хотелось показать белок на фоне лесного пейзажа, но Б. А. Шахет доказал мне, что на естественном фоне, в условиях громады цирка, маленькая белочка потеряется, будет плохо видна зрителю. Потом он взял зеркало и на него положил небольшой предмет. На зеркальном фоне предмет вырисовывался ярче, как бы увеличился. Весь реквизит для белок мы решили делать таким, чтобы в нем было много никеля и зеркал. На таких предметах белки покажутся крупнее, будут лучше видны зрителю.

Первое представление

Наконец, новый реквизит был готов. Каждая деталь блестела, радовала глаз. Но вся эта красота нисколько не привлекала белок. Первая репетиция с новым реквизитом прошла так, что,

казалось, будто белки ничего не умеют. Пышность обстановки, блеск были хороши для зрителя, а белкам они мешали.

Казалось, что все надо начинать сначала... Но это были уже не дикие таежные белки. Зверьки прошли большую школу, они научились быстро понимать, что от них требует дрессировщик, осваивать все, что я для них придумывал. В течение двух-трех репетиций мои питомцы привыкли к блестящему реквизиту, поняли, что новое хозяйство принадлежит им. Уже через несколько дней белки резво и без страха выполняли свои роли.

8 ноября 1944 года в городе Иванове мы в первый раз выступали перед настоящим зрителем.

Я очень волновался в этот день. Но мои четвероногие и хвостатые артисты были спокойны: я — с ними, а к яркому свету, музыке, людям, которые сидят вокруг манежа, я их уже приучил на репетициях. И белки четко выполняли все выученные трюки.

Вот поднимается по лесенке-стремянке Белянка. Белка идет на задних лапках, удержаться на тоненьких перекладинах ей нелегко. Я вижу, как внимательно следят за каждым движением Белянки зрители. Вот исполнительница поднялась на самый верх стремянки, раздаются дружные аплодисменты зрителей. Это и мне награда за мой труд.

Я ставлю на наклонный желобок катушку и выпускаю из вольерчиков Цветка и Светлану. Белки ловко взбираются на катушку и начинают перебирать лапками. Медленно подымается катушка вверх по желобку, а белочки перебирают ногами все быстрее, как будто соревнуются друг с другом. И снова по окончании трюка раздаются аплодисменты зрителей.

Наконец, целая группа белок перебирается по канату. Бегут Хрума, Рыжоха, Пушок, Сынок, Зорька. Все они движутся одинаково. Сначала выходят на канат, потом переворачиваются и, вися на канате, быстро-быстро перебирают лапками. Я иду вслед за белкой и, если она чуть-чуть замедлит движение, подгоняю ее легким цоканьем. Последней на канат выходит Белча. В отличие от своих товарок она идет не под канатом, а по нему, передвигаясь короткими прыжками, что значительно труднее для белки. С каната Белча прыгает ко мне на плечо. В это время коверный (клоун) делает вид, что испугался Белчи, и убе-

гает от нее. Белча бежит за ним по барьеру вокруг арены. Зрители смеются, громко аплодируют.

Белча прыгает ко мне на плечо, и все мы покидаем манеж. На этом кончается номер.

Вскоре меня вызвали в Москву, где я участвовал в смотре новых цирковых номеров. «Дрессированные белки» были оставлены в зимней программе Московского цирка. Это — большой успех для артиста. Ведь в программу Московского цирка включаются только самые интересные номера!

Один я никогда не смог бы добиться такого успеха. Как и везде в нашей стране, мне помогали многочисленные товарищи. Школьники из Эликмонара ловили со мной белок, научный сотрудник западно-сибирской охотничьей станции дал много ценных советов. Режиссер-постановщик Шахет помог оформить номер, сделать его красивее.

Десять лет прошло с того дня, когда я впервые выступил с белками. После этого я неустанно продолжал работу над номером. Я вводил в него новых зверей, стараясь дрессировать таких животных, которых на манеже еще не было. Сейчас у меня большая дружная семья. На манеж выходят лось, серебристо-черные и рыжие лисицы, пушистые сибирские кошки — все как на подбор снежно-белого цвета, пони Зойка, кролик Зайка, орел, собаки.

Сейчас я пишу книжку, в которой расскажу ребятам о всех своих питомцах.

ГЕРБАРИЙ

Е. Фейерабенд

Рисунки А. Зыкова

Мы гербарий составляли.
Пробираясь сквозь кусты,
Мы искали и срывали
Листья, травы и цветы.

Вот в прожилках-паутинках
Колокольчик голубой,
Ландыш в бусинках-росинках,
И кипрей, и зверобой.

Отдыхая на поляне,
Говорили мы о том,

Что опять зима настанет,
Побелеет все кругом.

Прибежав по снегу в школу,
Мы войдем поутру в класс.
И о летних днях веселых
Вспомнит кто-нибудь из нас.

И в большую перемену
Мы из шкафа принесем
Наш любимый, драгоценный
Толстый розовый альбом.

Тесно сдвинутся ребята,
Положив его на стол.
И повеет ароматом,
Будто снова в лес вошел.

Сразу вспомним летний отдых,
Шум лесной, и дождь, и зной,
Наши игры и походы,
Пенье птиц над головой.

Толик

Л. Румянцев

Рисунки Е. Гилевой

Толик сидит на подоконнике и думает: «Понимает ли мама, что ему исполнилось девять лет, пошел десятый, что учится он уже в третьем классе начальной школы разъезда «Степной»? Понимает ли, что он почти взрослый?»

По тому, как грустнеют глаза Толика, нетрудно узнать ответ — не понимает...

Для нее Толик — маленький ребенок. Даже в письмах к бабушке она называет его не иначе как малышом: «Мой малыш чудесно загорел за лето», «Водила малыша на элеватор, потом он неделю донимал расспросами». Лучше бы не читала письма вслух перед тем, как отправить, не расстраивала. Так только про детей пишут, которым еще пяти лет не исполнилось.

Во-первых, мама не водила его, а сам он шел с нею рядом. И, во-вторых, не думал «донимать» расспросами, а просто спрашивал. Ведь это очень интересно, как за одну минуту раз-

гружается автомашина, как потом зерно само поднимается в высокую серебристую башню.

Элеватор построили совсем недавно. Да и мама с Толиком приехали сюда всего месяц тому назад. Зою Игнатьевну перевели с сортоиспытательной станции на элеватор работать приемщицей зерна.

Уроки давно готовы, тетради сложены в портфель, все интересные книжки прочитаны. Спать не хочется. Толик вздыхает и, прислонившись лбом к оконному стеклу, смотрит исподлобья на мерцающие вдалеке огоньки элеватора. Мелкий осенний дождь монотонно сыплет капли. Они стекают по наружной стороне стекла быстрыми прозрачными змейками. На мгновенье в стороне элеватора вспыхивает прожектор. «Может быть, приехали уже?» Толик напряженно вглядывается в темноту и прислушивается. Но ничего не слышит, кроме шума дождя.

Сейчас на элеватор должна приехать первая автоколонна с зерном, собранным на целинных землях. Эти неведомые Толику земли начинаются где-то недалеко от разъезда. В его представлении они бескрайние, как море, и пшеница на них высокая-высокая, а зерна пшеницы не меньше горошин.

Как просил Толик сегодня вечером, чтобы мама взяла его с собой посмотреть на первый урожай с целинной земли! Но Зоя Игнатьевна отрицательно покачала головой. Она даже ничего не сказала про дождь, хотя Толик имел в виду именно это возражение и к нему подготовился. Она просто сжала своими теплыми ладонями Толикины щеки и пропела ему в самое лицо:

Спят тюлени и слоны,
Спит в берлоге мишка,
Все вокруг спать должны,
Спи и ты, малышка.

Может быть, она хотела этой песенкой развеселить сына, а на глаза Толика навернулись слезы: снова «малышка». До каких же пор?..

Люди осваивают земли, строят элеваторы, ведут автомашины с зерном по ночной, намокшей дороге, а он сидит в тихой теплой комнате, и никого не интересует, что ему тоже хочется сделать что-нибудь полезное!

Прежде всего в этом виновата мама. Она отобрала у него

молоток, когда он собирался починить табуретку, но нечаянно стукнул себя по пальцу. Запрятала куда-то вполне приличную стамеску, которую Толик нашел в куче строительного мусора возле элеватора.

— Тебе еще рано. Не дорос еще! — говорит она часто, и исчезают неизвестно куда опасные, по мнению Зои Игнатьевны, инструменты.

Единственное, что удалось сохранить,— это флакончик с резиновым клеем и небольшой напильник. У Толика есть красная камера футбольного мяча. В одном месте она пробита, и Толик давно уже дал себе слово починить камеру самостоятельно, без чьей-либо помощи. Он внимательно присматривался к тому, как чинят шины старшие ребята, у которых есть велосипеды, и даже выпросил клей, но со следующего дня начались дожди, и чинить камеру пропала охота: все равно в футбол теперь играть никто не будет.

А Толик мечтал о такой работе, которую заметили бы и оценили именно теперь.

В одиннадцать часов, уставшая и продрогшая, пришла Зоя Игнатьевна.

— Ты не спишь? — удивилась она.

Пропуская мимо ушей обидный для него вопрос, Толик спросил:

— Они приехали?

— Нет, сынок. Дорога, видимо, задержала. Ждем к утру.— Зоя Игнатьевна скинула плащ и, не отходя от порога, стала снимать сапоги.

— Совсем промочила,— сказала она негромко.

Толик заметил, что белый мамин носок на правой ноге стал каким-то грязносерым.

— Построить — построили, а разный хлам вывози кто хочет,— глухо и ворчливо проговорила Зоя Игнатьевна.— Всю обувь попортила.

На правой ноге она допрыгала до кровати, и Толик подумал, что мама ловко, наверное, когда-то играла в классы. Эта мысль показалась ему очень забавной, и он улыбнулся.

— Чему же улыбаешься? — с обидой в голосе сказала Зоя Игнатьевна.— Мать ноги промочила, а он радуется.

— Я просто так,— оправдался Толик и постарался сделать серьезное лицо. Но образ мамы, прыгающей через квадраты классов, не выходил из головы, и Толик прыснул от смеха.

— Да что это с тобой? — уже раздраженно спросила Зоя Игнатьевна.

Чтобы как-нибудь побороть смех, Толик присел на корточки перед мамиными сапогами и стал их рассматривать. На правом сбоку, недалеко от подошвы, он увидел разрез. Наверное, обо что-то острое зацепился сапог. Толик ковырнул разрез пальцем и вдруг совершенно забыл о смехе, разбиравшем его минуту назад.

— Не копайся в грязи. Иди спать,— приказала Зоя Игнатьевна и, посмотрев на темное окно, тихо, со вздохом спросила кого-то: «Неужели вы, товарищи, привезете мне сырое зерно?»

— Мама! — Толик подбежал к Зое Игнатьевне и заглянул ей в лицо.— Мамочка! Разреши мне починить сапог. Он же резиновый. Я умею. Разреши.

— Не говори глупостей. Гаси свет и отправляйся спать.

Зоя Игнатьевна устало закрыла глаза, поправила плечом подушку, зябко вздрогнула, поджала под себя ноги и сразу уснула, не поужинав, не раздевшись.

Насупившись, Толик некоторое время стоял у кровати.

Зоя Игнатьевна ровно дышит, лицо ее порозовело, а на лбу у переносицы никак не расходятся морщинки, словно и во сне мама думает о своем элеваторе, о зерне, которое даже в такую погоду должно быть сухим.

— А у самой ноги мокрые — это ничего,— буркнул Толик, но в голосе уже не обида, а нотки заботы.

Накинув на мамины ноги уголок одеяла, он берет сапог, гасит свет и на цыпочках, взволнованный своим решением, уходит в другую комнату. Эта комната небольшая — кровать и стол помещаются. Здесь Толик готовит уроки и спит.

Стараясь не шуметь, мальчик осторожно и тщательно вытирает сапог тряпкой. Из глубины ящика письменного стола извлекает напильник и клей. Прежде всего надо хорошенько зачистить место, где ляжет заплатка.

Толик легонько проводит напильником по резине и смотрит: напильник не оставил почти никакого следа. Тогда мальчик

увеличивает нажим, но сапог от этого выпрыгивает из рук. Толик кладет его на стол, наваливается на голенище локтем и начинает уверенными, резкими движениями зачищать резину.

На лбу Толика, у самого ежика черных стриженых волос, выступает пот. Он поднимает руку и широким жестом, как заправский работник, проводит по лбу рукавом куртки.

Резина упорствует, но еще неизвестно, кто упорнее...

За окном попрежнему дождь. Ветер порывами сбрасывает с деревьев капли, и они дробно стучат по железной крыше.

«Интересно, как бы мама пошла утром в рваном сапоге? — рассуждает мальчик и чуть заметно улыбается.— Тоже мне — приемщик зерна с мокрыми ногами...»

«Так и заболеть недолго,— развивает дальше свою мысль Толик, все смелее работая напильником.— Вчера вон Алешка Уваров бегал по лужам босиком, а сегодня кашляет и получил тройку... Больной человек очень просто может не заметить хорошее или плохое зерно привезли на сдачу...»

Резина у дырки в сапоге стала достаточно матовой и шероховатой. Толик доволен первым этапом работы. Теперь можно зачищать латку. И тут только мальчик вспомнил, что у него для латки нет ни кусочка запасной резины. И в доме нет, и взять не у кого. Было бы не так поздно, сбегал бы к Алешке Уварову — у него отец шофер. Но сейчас там уже давно все спят.

От огорчения Толик даже не почувствовал, как напильник выскользнул из рук и громко звякнул об пол.

— Чем ты там занимаешься? — послышался голос матери.

Толик замер. Еще не хватало, чтобы мама сюда зашла.

— Почему не спишь?

— Сплю,— быстро ответил Толик и выключил свет.

Он сидел в темноте, на краешке кровати и мучительно думал — что же делать?

Мама снова заснула.

Пошарив в ящике, Толик достал камеру футбольного мяча и нежно погладил ее рукой. Что ж, пусть не будет у него любимого футбола, зато мамин сапог он все-таки починит.

Толик включил свет и, уже не раздумывая, потянулся за ножницами...

Утром, чуть забрезжил рассвет, в окно постучали, и женский голос крикнул:

— Зоя, вставай! Едут!

— Иду! — откликнулась Зоя Игнатьевна и соскочила с постели.

Толик открыл глаза, встряхнул головой. На столе перед ним поблескивали клеевой пленкой кружочек на сапоге, а рядом красная латка. «Неужели передержал? — мелькнула мысль.— Совсем не заметил как уснул... Целых полчаса прошло...»

— Толик! — воскликнула за его спиной Зоя Игнатьевна.— Ты не ложился?

— Подожди, мама. Не подтолкни.

Он осторожно поднес латку к сапогу и, убедившись, что она легла верно, припечатал ее ладошкой.

— Теперь проверю.

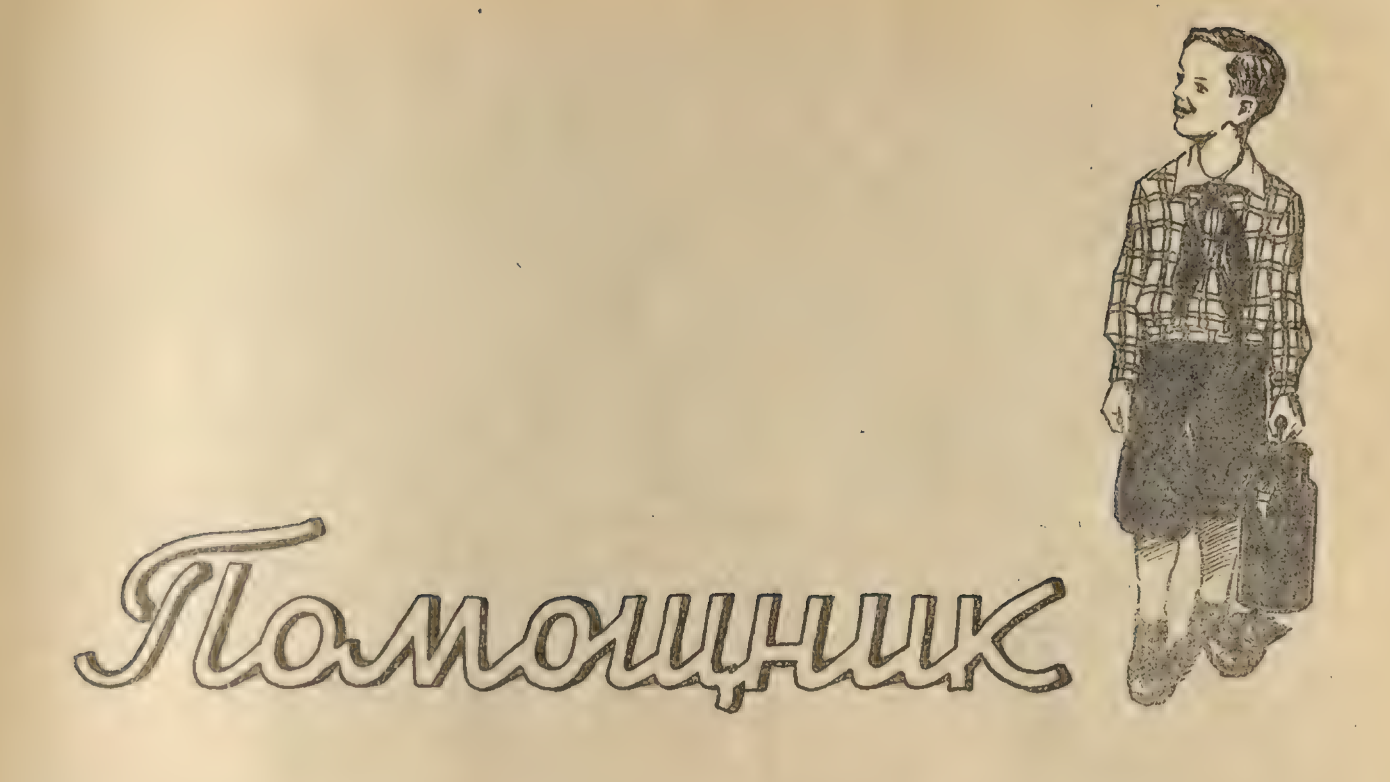
Не обращая внимания на изумление матери, мальчик подбежал к ведру с водой, приготовленной для мытья полов, и погрузил туда сапог. С минуту в доме было очень тихо.

— Не течет! — громко, торжествуя победу, крикнул Толик. Он поднял на маму сияющие от счастья глаза и добавил: — Латка, правда, не совсем по цвету, но зато крепкая.

Зоя Игнатьевна порывисто прижала к груди лицо сына, перепачканное клеем, резиновой пылью, и сказала серьезно, как взрослому:

— Спасибо тебе!

Помощник

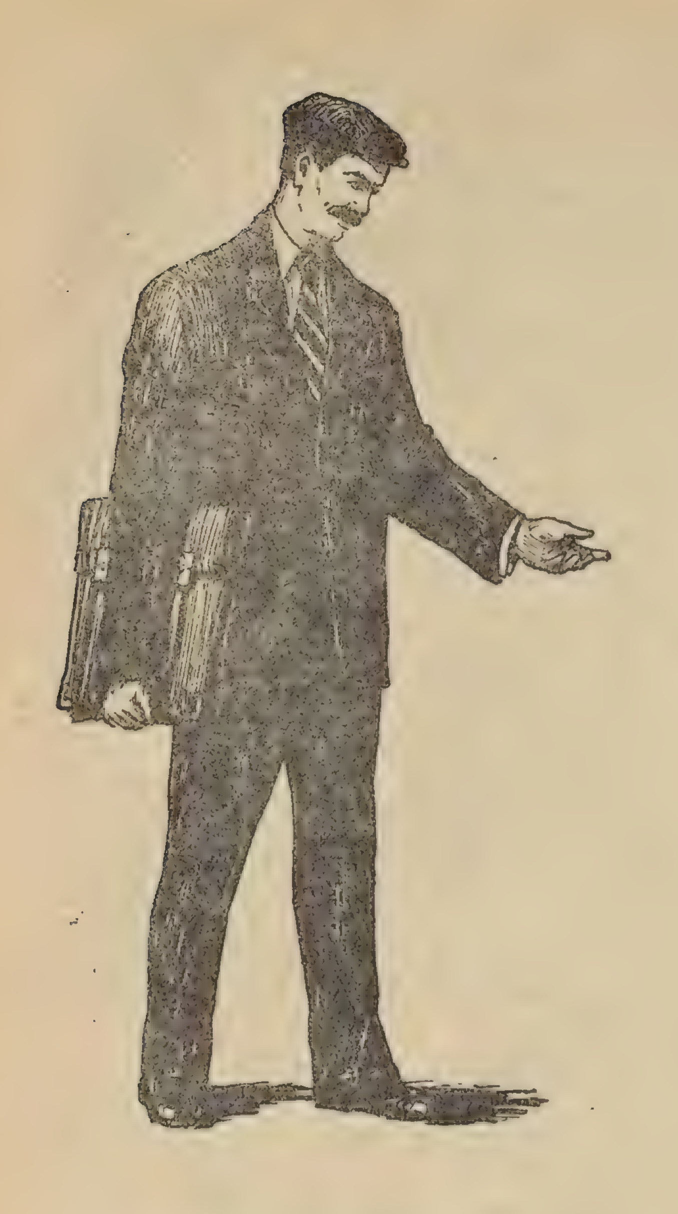
Лев Сорокин *Рисунки Ю. Истратова*

Вова плачет тонко-тонко,
Трет глаза он кулаком:
— Я вам вовсе не девчонка,
Не пойду за молоком!

Для девчонок этот труд.
Все ребята засмеют!

Мама смотрит без улыбки:
— Обещал мне помогать?
Только сделал ты ошибку:
Не пойдешь гулять опять.

Постоял,
подумал он:
— Ну, давай уж твой бидон!

Вове грустно и обидно,
Он шагает стороной,
Так, что б не было бы видно
Всем бидона за спиной.

Дядя с длинными усами,
Высоченный, как отец,
Улыбнулся:
— Видно, маме
Помогаешь?
Молодец!

Тетя девочке с бантами
Говорит:
— Бери пример —
Помогает мальчик маме,
Настоящий пионер!

Продавец сверкнул глазами:
— Донесешь бидон, дружок?
Молодчина! Верно, маме
Ты не раз уже помог?..

Вова, гордый и прямой,
Возвращается домой.

— Мама, что еще купить?
Я могу сейчас сходить.

В музее Уральских гор

В. Налобина

Кто из вас, ребята, не хотел бы побывать в гостях у Хозяйки Медной горы, полюбоваться ее несметными богатствами? А ведь это желание вполне осуществимо! Давайте пройдем по залам геологического музея Урала.

Музей похож на удивительную библиотеку, где вместо книг камни рассказывают историю Урала.

Кто из вас знает, например, что земля, по которой вы каждый день ходите в школу, не простая земля, а бывшее морское дно?

Но вот посмотрите на эту редкую находку.

На большом куске светлосерого камня отчетливо видна спираль. Она походит на загадочный цветок, лепестки которого словно выточены из кости и вделаны в камень. Можно подумать, что это — произведение камнерезного искусства. Но это не так. Мы видим останки древнего организма.

Впервые такая окаменелость была найдена около города Красноуфимска, на Урале, в 1899 году. Находку послали ака-

демику Карпинскому. Изучив ее, он пришел к выводу, что она представляет собой зубной аппарат акулоподобной рыбы древнего вымершего вида, пока еще неизвестного в науке. Карпинский назвал эту рыбу геликоприон, то есть «имеющая спиральную пилу». Долго решение Карпинского оспаривалось учеными других стран. Они считали спираль видоизменением плавника рыбы или хвоста. Но вот через много лет спиральная пила ге-

ликопριона была найдена вместе с останками черепа акулы, и тогда замечательное открытие русского ученого стало бесспорным.

Познакомившись с этой редкой находкой, вы уже не будете больше сомневаться в том, что на Урале ранее было море. Но, кроме этого, вы еще узнали, что в этом море водились рыбы, каких нет в настоящее время.

О том, что Уральский хребет поднялся со дна моря, наглядно говорят собранные в музее образцы всевозможных кораллов, ракушек и раковин и крошечные, как зернышко, и

огромные, которые трудно обхватить рукой. Во всех этих раковинах и кораллах жили морские живые организмы.

О другом, более древнем, периоде существования земли рассказывают нам слепки стволов лепидодендронов.

Скульптором, сделавшим эти удивительные слепки, здесь была сама природа. Когда-то, много миллионов лет назад, упавшее дерево было покрыто глиной или илом, в которых полностью отпечаталась его поверхность. Затем, в результате химических процессов — выщелачивания в глине образовалась пустота. Она представляла собой форму ствола лепидодендрона. Заполняя эту форму минеральными веществами, природа отлила объем ствола и все углубления коры. Получился слепок не виданного никем дерева, сохраненный природой сотни миллионов лет.

Лепидодендрон — лиственное дерево каменноугольного периода существования земли. Его мясистые листья, как у современной пальмы, росли прямо на стволе и, постепенно отпадая, оставляли рубцы на коре дерева. Эти рубцы хорошо видны на каменном слепке.

В древние периоды существования земли иным был не только мир растений, но и мир животных.

Вот перед вами одна из последних находок — бивни мамонта, обнаруженные в 1952 году под г. Свердловском.

Во время рытья котлована рабочие заметили какие-то удивительно изогнутые стволы деревьев, попробовали поднять — и удивились их тяжести. А когда порезали их ножом, то убедились, что это кость. Сообщили о свой находке в музей. После раскопок в этих местах было обнаружено много костей мамонтов.

По этим находкам можно предположить, что под Свердловском, на Уктусских горах, 12—15 тысяч лет назад водились мамонты.

В отделе музея, где показывается современное строение Урала, мы узнаем, что он состоит из цепей не очень высоких гор.

Самой высокой вершиной Урала является гора Народная, имеющая ледники, высотой 1885 метров. Немного уступает ей гора Сабля высотой 1648 метров над уровнем моря.

Урал очень богат озерами. На Южном Урале есть районы, где озера следуют одно за другим и суша занимает меньшее пространство, чем вода.

Славится Урал и своими пещерами. Всего их известно более сорока, но самая большая и красивая из них Кунгурская. Ее лабиринт изучен и доступен для осмотра на восемь километров.

Уральские горы все время изменяются. Их вымывают дожди, разрушают ветры и смены тепла и холода.

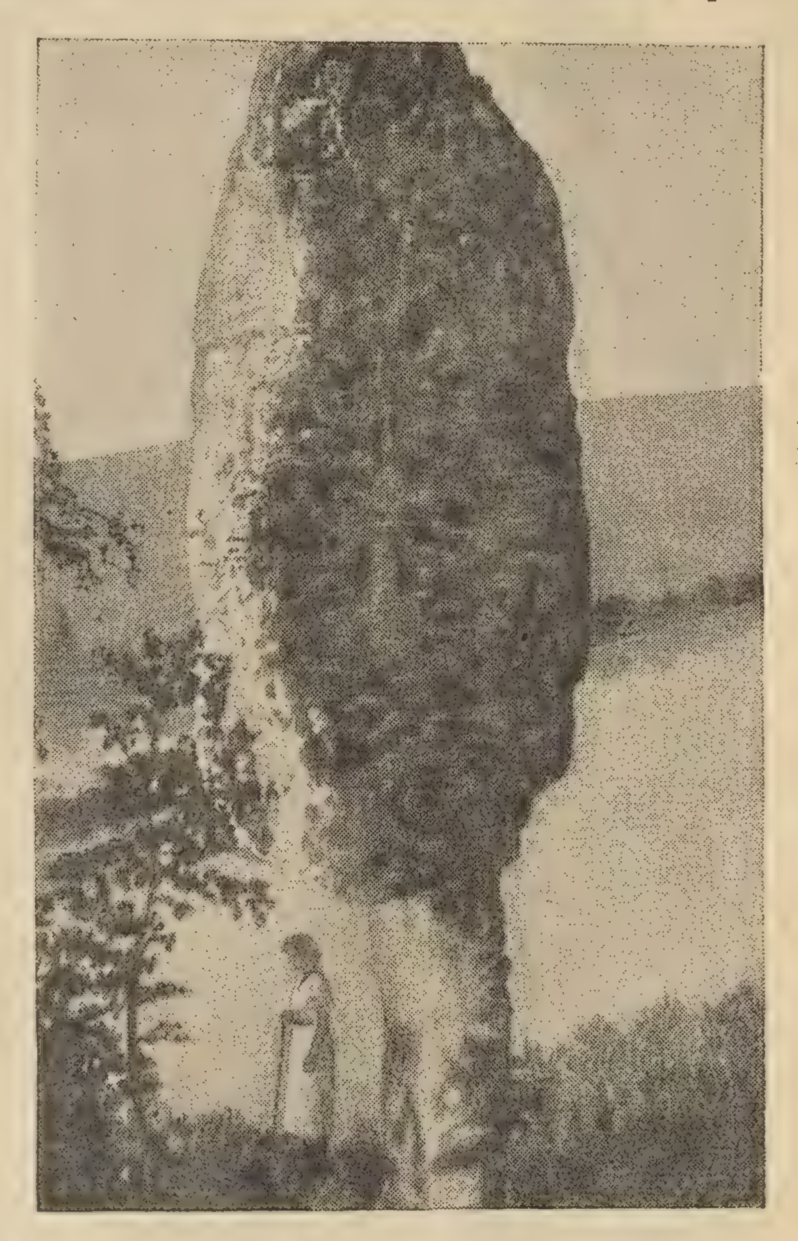
Вот перед вами каменные столбы на горе Мань-Пупу-Нер (на западном склоне Урала). Смотрите, каким маленьким кажется человек на лошади перед этой огромной величественной скалой. Или еще — на берегу реки Уфы скала Лопата. У ее основания были гипсовые породы, они выветривались и размывались быстрее, чем мергель верхней части скалы, и это придало ей причудливую форму.

Многие из вас, неутомимых следопытов, доберутся, наверное, до этих скал, чтобы полюбоваться ими и глубже понять удивительные явления, происходящие в природе.

Для того чтобы находить полезные ископаемые, надо знать, где и как их следует искать.

На эти вопросы дает ответ первый отдел музея, который знакомит с историей земли, ее земными слоями. Земные слои определяются по остаткам вымерших ныне организмов и растений, а им часто соответствуют определенные полезные ископаемые.

Нам приходится отказаться от обычного представления, что самые древние слои лежат в самой глубине, так как на Урале сильнее, чем в других районах страны, все земные слои в результате геологических процессов перемещены, и поэтому иногда на поверхности можно найти выходы очень древних пород и, наоборот, самые молодые слои обнаружить на большой глубине под слоем древних пород. Обо всем этом человеку рассказывают окаменелости организмов и растений.

Один из отделов музея рассказывает о том, как ищут полезные ископаемые.

Вот, например, в большой глыбе кварца видно причудливое, похожее на звезду, углубление. Если изучить его контуры, то геолог сразу определит, что в нем лежал кристалл шеелита — минерала, содержащего вольфрам. Это — очень ценный, редкий минерал. В районе этой находки следует искать вольфрамовые руды.

Зная многие данные о залеганиях полезных ископаемых, люди разведали огромные богатства уральских недр и поставили их на службу человеку.

Вот коллекция железных руд Бакала — исключительно чистых от различных вредных примесей.

Для того чтобы плавить чугун или, например, качественные

стали, которые идут на особенно ценные изделия, машины электростанций, корабли, инструмент, в руду приходится добавлять марганец. Руды Северного Урала почти не требуют этого, потому что марганец входит в их состав.

Вы увидите золотосодержащие минералы из Березовска и узнаете, что впервые на Урале золото было открыто Ерофеем Марковым.

Совсем недавно музеем получена богатая коллекция нефтей Урала. Всего 20—25 лет назад не знали о наличии нефти в нашем крае. А теперь известно, что на Урале имеются многие сорта нефти от очень жидкой до вязкой.

Перед вами коллекция асбеста — этого негоримого волокна, которое иногда называют горным льном. Тонкая нить его не уступает по крепости стальной проволоке такого же диаметра. Изделия из асбеста можно бросить в огонь, и они не сгорят. На некоторые сорта асбеста не действуют самые сильные кислоты. Поэтому трубы, сделанные из цемента с примесью асбеста, прочнее металлических или стеклянных. До сих пор знали асбест белого цвета с зеленоватым оттенком морской воды, но вот недавно найден образец черного асбеста. Кроме того, найден асбест, волокна которого по длине в два-три раза превосходят ранее известные.

Еще ярче и красочнее богатства недр Урала раскрываются в мире минералов.

Около ста различных минералов впервые было открыто и изучено на Урале. Всего на Урале найдено свыше 800 различных минералов.

Вас невольно остановит минерал темнозеленого цвета — волконскоит. Он назван по фамилии его открывателя — известного декабриста Волконского. Волконскоит имеет хорошие красящие свойства. Это знают все художники, которым он помогает создавать зеленые тона.

Нельзя не испытать чувства восхищения, любуясь орскими яшмами или малахитами Урала. Эти замечательные поделочные камни в руках уральских мастеров превращаются в великолепные произведения искусства.

Не всем еще удалось побывать в Москве и увидеть самое красивое в мире московское метро. Коллекция уральского мра-

мора поможет вам представить, как оно красиво. Здесь вы увидите мрамор и чисто белый, почти такой же, как добываемый в Италии карарский мрамор, славящийся чистотою своего белого цвета, и серый с прожилками белого, и розовый, и, наконец, темнокрасный. Таким мрамором отделаны замечательные подземные дворцы и залы московского метро.

Перед вами — одно из самых богатых в стране собрание камней горного хрусталя, прозрачных, как стекло,— так называемых волосатиков. Такое название им дано потому, что если вы вглядитесь в эти камни, то увидите в них много тонких темных волосков, похожих на иголки. Ученые определили, что эти иглы, или волоски, состоят из рутила и других минералов, включенных в кристаллы кварца.

Вот огромные кристаллы и друзы, то есть букеты кристаллов мориона, темного непрозрачного кварца. В старое время мастера обработки заметили, что если куски черного мориона отпечь в тесте, то этот темный непрозрачный камень превратится в прозрачный красивого золотистого цвета так называемый цитрин. Теперь отпекают морион в электрических печах и получают прозрачные камни различных цветов.

Но иногда природа как будто соревнуется с человеком в искусстве показа красоты камня. Среди самых редких находок вы отметите одну — кристалл пирита, плоскости которого имеют идеальную зеркальную поверхность. Пирит — это минерал, в котором содержатся железо и сера. Удивительно то, что рука человека к этой находке совершенно не прикасалась.

Не менее удивительна и вторая находка — белый цветок из арогонита. Кристаллы арогонита срослись, образовав форму сказочного цветка. Хотя в составе арогонита нет железа, такие соединения его кристаллов, вероятно, за металлический звук, издаваемый ими при сотрясении, носят название «железных цветов».

Вот образцы кальцита — исландского шпата. Это — прозрачный, как стекло, минерал, но в отличие от стекла он имеет свойство раздваивать луч света. Если вы через кусок кальцита посмотрите на напечатанную строку, то вместо одной строки увидите две. Это свойство минерала используют для изготовления особых микроскопов.

Посмотрите на этот кусок слюды. Кто из вас не видел этого распространенного минерала? Но стоит вам отломить кусочек такой слюды и поднести его к огню, как вы увидите, что он мгновенно в вашей руке раздуется во много раз.

У вас в руках слюда особого вида — так называемый вермикулит. Она при нагревании увеличивается в 15—20 раз. Ее слои раздуваются согревающимся воздухом, и эта особенность позволяет использовать вермикулит в производстве как изоляционный материал. Когда надо сохранить тепло или уберечь какую-либо часть машины от колебаний температуры, ее окружают прокладкой из вермикулита, подобно тому, как мы на зиму для сохранения тепла в квартире вставляем вторые окна.

Гордостью музея является редкостная коллекция крокоита. Этот минерал был найден на Урале и изучен еще великим русским ученым Ломоносовым. В уральском крокоите был впервые найден и открыт элемент хром. Витрина с его коллекцией затемнена, потому что чудесные оранжево-красные кристаллы выцветают на солнце.

Много дней можно ходить по сказочным залам Хозяйки Медной горы, и она будет заманивать новыми богатствами, новыми чудесами уральских недр.

Мировую славу камней непревзойденной красоты имеют лиловые аметисты Мурзинских копей. Сказочно хороши синезеленые аквамарины и изумруды Урала. Но особенно вас поразит камень александрит, о котором писатель Н. С. Лесков сказал, что у него «утро зеленое, но вечер красный», а академик Ферсман, который всю жизнь посвятил изучению камня, говорит, что «во всем мире нет александритов прекраснее уральских».

В замечательные коллекции Уральского геологического музея, наряду с крупными учеными, сделали свой вклад наши школьники. Осколки метеоритов, например, подарили музею десятилетние школьники Нюся Прыкина и Миша Соболев.

Интересна история находки Нюси Прыкиной. В селе Урукум, Кунашакского района, Челябинской области, где она живет, произошло падение метеорита. Вскоре после этого девочка заметила в огороде в земле глубокую дыру, она подумала, что это хомяк прорыл себе нору. Желая выгнать непрошенного гостя, девочка взяла ведро и залила нору водой. Но хомяк не

показался. Нюся просунула в нору палку. Палка ударилась о что-то твердое, похожее на металл. Тогда Нюся, услышав, что к ним приехали ученые искать осколки метеорита, сказала им о своей находке. Это оказался крупный осколок метеорита. Нюся подарила его Уральскому музею.

Известный советский скульптор Вера Мухина, побывав в музее, написала в книге отзывов: «Урал чудесен! Спасибо музею, который так хорошо умеет его показать. Если бы я не была скульптором, я бы, вероятно, стала геологом».

Многие из вас, осмотрев музей, загорятся желанием стать разведчиками богатств нашей страны. То, что вы увидите в этом музее, превзойдет самую смелую вашу фантазию: так несметно богаты недра нашего родного Урала.

Юный рудознатец

Е. Фейерабенд

Рисунки В. Яковлева

Вышел в путь ты рано-рано,
Скоро высохнет роса.
Глаз пытливых не обманут
Никакие чудеса.

Привела тебя тропинка
К склонам каменных громад.
На траве блестят росинки:
Обмануть тебя хотят.

Эти — словно изумруды,
Те — похожи на опал.

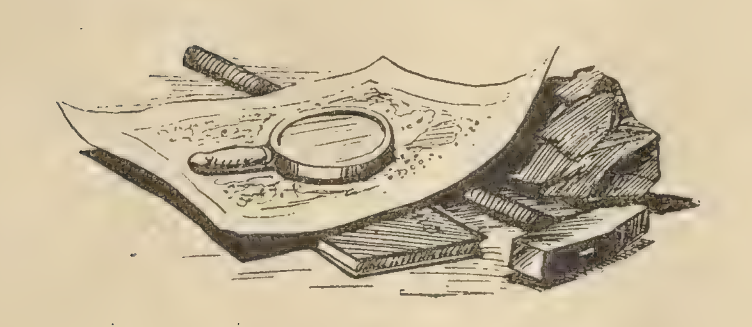
Точно кто-то их повсюду
Утром щедро рассыпал.

У расщелин скал гранитных
Ты замедлишь легкий шаг:
Не найдешь ли тут магнитный
Или бурый железняк?

И в местах, где ты усердно
Бил по камню молотком,
Домну выстроят, наверно,
Рядом с новым рудником.

Ой вы, каменные вышки,
Многоглавые хребты!
Помогите вы парнишке,
Чтоб сбылись его мечты.

Летний день погож и долог,
И богат Урал родной.
Добрый путь тебе, геолог,
Рудознатец молодой!

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

А. Шишов *Рисунки Н. Васильева*

Маша с нетерпением ждала того дня, когда ей исполнится семь лет и она пойдет вместе с другими ребятами в школу. Для этого все уже было приготовлено. Папа купил портфель и букварь, мама сшила два мешочка: большой для калош, а маленький для рассыпной азбуки.

Одно девочку беспокоило: все уйдут на работу, кто же поднимет ее утром? Ведь вставать-то надо рано.

— Бабушка об этом позаботится,— сказала мама.

— Нет, что ты, бабушка старенькая. Мне ее жалко,— ответила Маша.

— А для чего же у нас будильник? — вмешался в их разговор папа.

— Ах да, будильник! Вот кто меня выручит,— обрадовалась девочка.

Когда в школе начались занятия, она с вечера заведет будильник, поставит его на маленький столик у изголовья и спит спокойно. Старенькая бабушка спит, и она спит. Будильник в нужное время громко зазвонит, разбудит их.

Все шло хорошо. Часы позвонят, Маша встанет, умоется холодной водой, позавтракает, наденет чистое платье и белый с оборками фартук и побежит в школу.

Но однажды будильник не позвонил, и Маша опоздала на целый час.

С тех пор Маша перестала доверять будильнику. Как утро, она беспокоится, вскакивает и глядит в окно.

— Бабушка, уже пора вставать?

— А ты спи, детка, спи. Будильник позвонит, и встанешь.

— А вдруг он не позвонит?

Тогда бабушка очень серьезно сказала:

— Вот видишь, Машенька, один раз он тебя подвёл, и ты перестала доверять ему. Будь сама аккуратна: только один раз обманешь, и тебе больше не будут верить.

Лев Сорокин — *Рисунки В. Васильева*

Поднимая пыль,
Мчит автомобиль.

Это еду я
И мои друзья:

Заяц из резины,
Важные пингвины,

Петя-Петушок —
Красный гребешок.

Сам Мурлыка-Кот
Грузовик ведет.

— Эй, гляди, шофёр:
Смотрит светофор

Глазом яркокрасным.
Ехать нам опасно!

Но лихач-шофёр
Мчит во весь опор.

Крикнули пингвины:
— Встречная машина!

Резкий поворот
Дал Мурлыка-Кот.

В куче все лежат,
На кота глядят.

Заяц из резины,
Важные пингвины,

Гладит Петушок
Мятый гребешок.

Провинившись, Кот
В сторону ползет.

Ругают все шофёра:
— Не видел светофора?

Где выросли огурцы

П. Яшина *Рисунки В. Васильева*

Когда ребята доели суп, тетя Катя принесла на большом подносе второе: каждому по котлетке с картофельным пюре и кружочки зеленых, свежих огурчиков.

Ребята очень удивились, что зимой вдруг появились свежие огурцы, и зашептались.

— Кушайте спокойно,— улыбаясь, сказала воспитательница Нина Ивановна,— поговорим потом,— и вышла из комнаты.

Как только кончился обед, самый любопытный в группе мальчик Коля и самый ужасный спорщик Лева начали громко спорить.

— Огурцы привезли на самолете из теплого края,— настойчиво говорил Лева.

— Нет, с подсобного хозяйства! Мне дядя говорил — у

завода есть подсобное хозяйство,— раскрасневшись, утверждал Коля.

— Да ведь огурцы летом растут,— спорил Лева.— А сейчас что? Лето? Сейчас зима, у меня даже руки озябли, когда я в садик шел.

Ребята окружили спорщиков. Никто не знал, где выросли огурцы, и только маленькая Наташа тихим, тоненьким голоском сказала: «В теплице растут, мне мама рассказывала...»

Но Лева не дал ей договорить.

— Ты ничего не знаешь!

В это время в групповую комнату вошла Нина Ивановна. Лева подбежал к ней и затараторил:

— Ведь нам огурцы из теплого края привезли? Ведь правда, Нина Ивановна?

— А как думают другие ребята? — спросила воспитательница.

Все ребята зашумели, а Коля кричал громче всех:

— Зимой огурцы на подсобном хозяйстве растут, мне дядя говорил.

— Коля прав, ребятки,— сказала Нина Ивановна,— огурцы, которые вы сегодня ели, привезли с подсобного хозяйства завода, на котором работают ваши папы и мамы!

— Как же они могли зимой вырасти? — удивился Лева.

— А это мы с вами обязательно посмотрим, сами побываем на подсобном хозяйстве,— сказала воспитательница.

Дети обрадовались, запрыгали, а Коля даже захлопал в ладоши.

И вот настал день экскурсии. К детскому саду подъехал новенький голубой автобус. Ребята уселись и поехали по улицам города.

Не успели они хорошенько прокатиться, как автобус остановился.

— Вот и приехали! — сказала Нина Ивановна.

Ребята встали в пары и пошли за нею.

День был хмурый, холодный. Дул ветер, и падал мелкий, круглый, как крупа, снег.

Ребята прошли по мостику через маленькую быструю речушку и на берегу увидели длинное белое здание с удивитель-

ной крышей. Удивила она ребят тем, что была сделана из стекла.

Потом все вошли в этот длинный дом со стеклянной крышей и оказались в небольшой теплой комнате. Из другой комнаты к ребятам вышла работница в синем платье с короткими рукавами и черном клеенчатом фартуке.

Ребята сказали ей: «Здравствуйте».

Работницу звали тетя Уля. Она предложила детям раздеться и повела в другую комнату.

Но это была не простая комната, а длинная зеленая аллея. В ней было так тепло, что если бы ребята остались только в трусиках и майках, и то не замерзли бы.

Наташа сказала:

— Здесь, как летом!

— Как же здесь не будет тепло? Смотрите, сколько труб протянуто вдоль стен и даже по полу,— стала объяснять тетя Уля.— По трубам идет горячая вода. Она нагревает трубы, а трубы греют помещение. Одним словом, теплица!

— А зачем крыша стеклянная? — спросил Лева.

— Не только крыша, но и стены почти до половины стеклянные. Вот сами подумайте — для чего это? — спрашивала тетя Уля.

Ребята разом загалдели:

— Чтобы света! Света чтобы больше было!

— Верно. Огурцы свет любят!

Ребята медленно шли по узкому проходу между длинными ящиками, которые тянулись вдоль стен справа и слева.

Земля в ящиках черная, влажная. В землю воткнуты палки высокие, до самой крыши. По палкам вьются огуречные плети с широкими листьями и тоненькими, как ниточки, усиками.

В зелени желтыми огоньками блестят цветы.

— Огурец висит! — крикнула Наташа.

— Где? Где? — кричал Лева, оглядывая зелень.

— Вон еще висит! И еще! И еще! — кричали наперебой дети.

Вдруг Коля увидел в углу теплицы высокий цементный колодец, полный воды.

— А колодец зачем? — спросил он.

— Огурцы любят свет, огурцы любят тепло и очень любят воду,— объяснила тетя Уля.— Из водокачки накачивают воду в этот колодец, а из колодца мы шлангами поливаем огурцы.

Тетя Уля подняла длинный серый шланг и направила его на ящики с огурцами. Из шланга полилась серебряная струя.

— Вот и напоили огурцы,— сказала она.

Тут в теплицу вошли еще две работницы. Одна длинными ножницами стала обрезать сухие огуречные плети и обирать пожелтевшие листья. Другая работница начала срывать и укладывать в большую плетеную корзину длинные зеленые огурцы.

— Мне можно сорвать огурец? Вон тот? — спросил Лева.

Работница приподняла Леву, он сорвал огурец, понюхал его и положил в корзину.

Тетя Уля показала всем ребятам, как надо срывать огурчики, и каждый из ребят сорвал по огурцу и положил в корзину.

— Эти огурцы опять нам? — спросил Лева.

— Нет, эти огурцы мы пошлем другому детскому садику,— ответила тетя Уля.

— Вы им напишите, откуда эти огурцы, а то они подумают, что из теплого края,— посоветовал Лева.

— Обязательно напишем! — сказала тетя Уля.

— Ну, кажется, все рассмотрели. Пора в детский сад,— позвала ребят Нина Ивановна.

Все оделись и шумной гурьбой вышли на улицу.

КРОССВОРД

Знаете ли вы произведения М. Ю. Лермонтова?

По приведенным отрывкам определите названия произведений М. Ю. Лермонтова и заполните клетки кроссворда.

По вертикали:

1. «Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампады
Умирающим огнем...»
2. «Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются».
3. «В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна как ангел небесный,
Как демон коварна и зла».
5. «Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз.
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез».
6. «Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..»
8. «Но вере теплой опыт хладный
Противоречит каждый миг,
И ум как прежде безотрадный
Желанной цели не достиг...»
10. «От глаз моих трудно
Проступок укрыть,
Все знаю!.. и вновь не могу я,
Девица, любить!»
12. «Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.»
13. «А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!»
14. «О нет! — летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над главой;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной».
16. «Тамань — самый скверный городишко
из всех приморских городов России».
19. «Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?..»

По горизонтали:

1. «Ночевала тучка золотая
   На груди утеса-великана...»
3. «Рыбак, рыбак прекрасный,
   Оставь же свой тростник.»
4. «Но перед идолами света
   Не гну колени я мои;
   Как ты, не знаю в нем предмета
   Ни сильной злобы, ни любви...»
6. «К чему ищу так славы я?
   Известно, в славе нет блаженства,
   Но хочет все душа моя
   Во всем дойти до совершенства.»
7. «Бежал я долго, где, куда?
   Не знаю! Ни одна звезда
   Не озаряла трудный путь.»
9. «Я счастлив был с вами, ущелия гор;
   Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.»
11. «Печальный Демон, дух изгнанья,
   Летал над грешною землей,
   И лучших дней воспоминанья
   Пред ним теснилися толпой...».
15. «Есть бедный град, там видели народы
   Все то, к чему теперь ваш дух летит.»
17. «Забил заряд я в пушку туго
   И думал: угощу я друга!»
18. «Я памятью живу с увядшими мечтами,
   Виденья прежних лет толпятся предо мной,
   И образ твой меж них, как месяц в час ночной,
   Между бродящими блистает облаками».
20. «Браслет мой — князь нашел, потом
   Каким-нибудь клеветником
   Ты был обманут».
21. «Там за твердыней старою
   На сумрачной горе
   Под свежею чинарою
   Лежу я на ковре».

ОТВЕТЫ

По вертикали: 1. Узник. 2. Сосед. 3. Тамара. 5. Родина. 6. Соседка. 8. Исповедь. 10. Атаман. 12. Отчего. 13. Парус. 14. Гроза. 16. Тамань. 19. Тучи.

По горизонтали: 1. Утес. 3. Тростник. 4. Договор. 6. Слава. 7. Мцыри. 9. Кавказ. 11. Демон. 15. Новгород. 17. Бородино. 18. Сонет. 20. Маскарад. 21. Свиданье.

Составил М. Панов

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

В ЧАСЫ ДОСУГА

---

3 р. 40 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1954